

ДЭН ✕ БРАУН

ТОЧКА ОБМАНА

ОТ СОЗДАТЕЛЯ «КОДА ДА ВИНЧИ»!

Дэн Браун

Точка обмана

«Издательство АСТ»

2001

Браун Д.

Точка обмана / Д. Браун — «Издательство АСТ», 2001

ISBN 978-5-17-043757-3

Потрясающий технологический триллер от автора «Кода да Винчи» и «Ангелов и демонов»! В Арктике обнаружен уникальный артефакт, способный раз и навсегда изменить будущее человечества. На место открытия отправляется научная экспедиция, цель которой – установить подлинность поразительной находки. Но вскоре после прибытия члены экспедиции начинают гибнуть один за другим. Кто – и почему – убивает их? Возможно, они подошли к разгадке тайны слишком близко? Подробный гид по творчеству Дэна Брауна читайте в ЛитРес: Журнале В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-17-043757-3

© Браун Д., 2001

© Издательство АСТ, 2001

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	45
Глава 15	47
Глава 16	49
Глава 17	53
Глава 18	55
Глава 19	58
Глава 20	62
Глава 21	64
Глава 22	68
Глава 23	73
Глава 24	77
Глава 25	81
Глава 26	84
Глава 27	86
Глава 28	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дэн Браун

Точка обмана

Благодарю Джейсона Кауфмана за его великолепное руководство и проникательное искусство редактора; Блайт Браун за неутомимые исследования и творческий вклад в создание книги; моего доброго друга Джейка Элвелла из «Визер и Визер»; Архив национальной безопасности; отдел НАСА по связям с общественностью; гляциолога Мартина Джеффриса; Бретта Троттера Томаса Надо и Джима Бэррингтона. Благодарю также Кони и Дика Браун; Сьюзен О'Нил; Марджи Уочтел; Мори Стеттнер; Оуэна Кинга; Элисон Маккиннел; Мэри и Стивена Гормен; доктора Карла Хингера; доктора Майкла А. Лэтца из Института океанографии имени Скриппса; Эйприл из «Майкрон электроникс»; Эстер Санг из Национального музея авиации и космонавтики; доктора Джин Олмендигер; несравненную Хейди Ланжс из Ассоциации Гринберга, а также Джона Пайка из Федерации ученых Америки.

От автора

Подразделение «Дельта», Национальное разведывательное управление и Космический фонд – реальные организации. Все технологии, описанные в романе, существуют и применяются на самом деле.

Если это открытие подтвердится, то, несомненно, станет одним из самых поразительных прорывов во Вселенную из всех, когда бы то ни было совершенных наукой. Его безграничные перспективы потрясут и вдохновляют. Обещая ответить на некоторые из самых древних вопросов, стоящих перед человечеством, открытие это одновременно поднимает новые, еще более фундаментальные проблемы.

Президент Билл Клинтон. Выступление на пресс-конференции 7 августа 1997 г. по поводу научного открытия, известного под кодом ALH84001

Глава 1

Ресторан «Тулос», расположенный неподалеку от Капитолийского холма, не может похвастаться политкорректностью меню: нежнейшая, младенческая телятина и карпаччо из конины делают его любимым местом завтрака Вашингтонских чиновников. Вот и нынешним утром здесь кипела жизнь, разливаясь какофонией звуков. Безуспешно пытаясь слиться в единое целое, звуки перемешивались и наслаивались один на другой: звяканье столовых приборов, жужжание кофейной машины, музыка сотовых телефонов, гул голосов.

Метрдотель, предвкушая удовольствие, взял в руки бокал с утренней порцией «Кровавой Мэри», но в этот момент в зал ресторана вошла женщина. С дежурной улыбкой метрдотель обернулся к посетительнице.

– Доброе утро, – любезно приветствовал ее он, – чем могу помочь?

Дама казалась весьма привлекательной. Лет тридцати пяти, в серых плиссированных фланелевых брюках, консервативного вида туфлях без каблуков и блузке цвета слоновой кости от Лоры Эшли. Держалась она очень гордо и прямо: подбородок слегка приподнят – ровно настолько, чтобы свидетельствовать не об упрямстве, а о внутренней силе. Светло-каштановые волосы причесаны именно так, как модно в Вашингтоне, в стиле «сильно и броско»: пышные пряди не доходят до плеч, слегка завиваясь внутрь, – они выглядят женственно и привлекательно, но в то же время достаточно коротки. Это своего рода сигнал: их обладательница вполне может оказаться умнее вас.

– Я немного опоздала, – негромко обратилась дама к распорядителю. – У меня здесь назначена встреча с сенатором Секстоном.

Метрдотель неожиданно занервничал. Сенатор Седжвик Секстон – постоянный посетитель «Тулоса» и с недавнего времени один из самых знаменитых людей страны. Не далее как на прошлой неделе Секстон отпраздновал «супервторник» – сенатор с легкостью прошел первичные выборы в двенадцати округах, чем гарантировал своей родной республиканской партии выход в финал президентской гонки. Многие искренне верили, что сенатор имеет превосходные шансы уже следующей осенью вырвать Белый дом из рук упорно пытающегося выстоять под шквалом критики президента. Так что в последние дни фото Секстона не сходило со страниц газет и журналов, а незамысловатый предвыборный лозунг захватил почти всю Америку. Он призывал: «Прекрати тратить. Начинай ремонтировать».

– Сенатор Секстон завтракает вон там, у окна, – показал метрдотель. – Как мне вас представить?

– Его дочь. Рейчел Секстон.

«Ну я и дурак», – подумал метрдотель. Ведь гостя унаследовала ясные проницательные глаза сенатора, его великолепную осанку и даже внешнее благородство. Привлекательность сенатора также передалась его дочери, хотя Рейчел Секстон была куда тактичнее своего отца.

– Рад оказаться вам полезным, мисс Секстон.

Метрдотель повел даму через зал, в противоположный его конец. Взгляды всех мужчин были прикованы к ней – одни рассматривали ее украдкой, другие более откровенно. Надо признать, что в «Тулосе» бывало немного женщин. А таких, как Рейчел Секстон, здесь можно было пересчитать по пальцам.

– Какая фигура! – восхищенно прошептал кто-то. – Секстон что, нашел себе новую жену?

– Идиот, это же его дочь, – так же шепотом ответили ему.

– Зная Секстона, – не унимался циник, – готов поспорить, что он и ее не пропустил.

Когда Рейчел подошла к столу, за которым сидел отец, сенатор говорил по сотовому телефону, разглагольствуя об одном из своих недавних успехов. Он мельком взглянул на дочь и постучал по часам, разумеется, «Картье»: «Опоздываешь, детка».

«Я тоже по тебе соскучилась», – мысленно ответила Рейчел.

Первое имя сенатора было Томас, но он давно предпочитал второе. Рейчел полагала, что отец сделал это потому, что оно гораздо лучше сочеталось с фамилией и должностью, создавая своеобразную аллитерацию: сенатор Седжвик Секстон. Человек этот являл собой великолепный образчик политика – серебристые волосы, талант оратора, лоск героя «мыльной оперы». Последнее качество казалось особенно существенным, учитывая способности сенатора к перевоплощениям.

– Рейчел!

Отец отложил телефон и встал, чтобы поцеловать дочь в щеку.

– Привет, пап! – коротко ответила та, даже не подумав вернуть поцелуй.

– Ты выглядишь очень усталой.

Ну вот, начинается, подумала дочь и спросила:

– Я получила твое сообщение. Что-нибудь случилось?

– Разве я не могу пригласить родную дочь позавтракать без всякого повода?

Рейчел отлично знала, что отец никогда не искал ее компании без самого серьезного на то повода.

Секстон поднес к губам чашку с кофе.

– Ну, как же у нас дела?

– Работы по горло. Вижу, твоя кампания раскручивается совсем неплохо.

– О, давай сейчас не будем о делах. – Секстон наклонился к ней через стол и заговорил тише: – А как обстоит дело с тем парнем из госдепартамента, с которым я тебя познакомил?

Рейчел нетерпеливо повела головой, подавляя желание взглянуть на часы.

– Знаешь, пап, у меня, честное слово, просто не нашлось времени ему позвонить. Кроме того, было бы лучше, если б ты...

– Но ты обязана находить время для истинно важных вещей, дочка. Если в жизни нет любви, все остальное не имеет никакого смысла.

Напрашивалось сразу несколько возражений, однако Рейчел предпочла молчание. Отец всегда любил изображать наставника.

– Папа, ты же хотел меня видеть не просто так? Сказал, что есть важное дело.

– Действительно есть, – подтвердил сенатор, внимательно разглядывая дочь.

Рейчел тут же ощутила, как под взглядом отца стремительно тает, исчезая, воздвигнутая ее собственной волей защитная стена. Она ненавидела силу, которой обладал этот человек. Глаза сенатора поистине были его оружием. Очевидно, именно они и помогли ему попасть в Белый дом. Они могли, словно по команде, наполниться слезами, а уже в следующий момент проясниться, словно распахнув окно богатой и щедрой души и моментально вызвав доверие окружающих. «Все дело в доверии!» – не случайно отец так любил повторять эту фразу.

Доверие собственной дочери сенатор потерял давно, однако сейчас стремительно завоевывал доверие страны.

– У меня к тебе предложение, – не стал он лукавить.

– Подожди, попробую отгадать, – остановила его дочь. – Какой-нибудь достойный и известный разведенный мужчина ищет молодую жену?

– Не льсти себе, малышка. Ты уже не так молода.

Рейчел моментально испытала ощущение собственной ничтожности, которое так часто возникало при беседах с отцом.

– Вовсе не имею намерения бросать тебе спасательный круг, – продолжал Секстон.

– Но я даже и не подозревала, что тону.

– Ты – нет. А вот президент тонет. Так что, пока не поздно, лучше покинуть корабль.

– Разве мы не обсуждали раньше этот вопрос?

– Подумай о будущем, Рейчел. Ты можешь работать со мной и на меня.

– Хочется верить, что ты все-таки пригласил меня сюда не ради этого.

Тонкое покрывало спокойствия моментально слетело с сенатора.

– Неужели ты не понимаешь, девочка, что твое сотрудничество с ним очень плохо отражается на моем имидже? И на моей избирательной кампании!

Рейчел вздохнула:

– Папа, я вовсе не работаю на президента. Больше того, я с ним даже не вижусь. Я всего лишь работаю на «Фэрфакс», ради всего святого!

– Но политика – это восприятие, дочка. Дело в том, что другим кажется, будто ты работаешь именно на президента.

Рейчел перевела дух, пытаясь оставаться невозмутимой.

– Мне стоило слишком больших усилий получить эту работу, отец, – решительно заявила она, – и я не собираюсь уходить.

Сенатор прищурился:

– Знаешь ли, иногда твой эгоизм действительно...

– Сенатор Секстон! – Возле стола совершенно неожиданно вырос журналист.

Поведение Секстона моментально изменилось. Рейчел тихо застонала и взяла из корзинки на столе круассан.

– Ральф Сниден, – представился журналист, – «Вашингтон пост». Могу я задать вам несколько вопросов?

Сенатор улыбнулся и аккуратно вытер рот салфеткой.

– Очень приятно познакомиться, Ральф. Давайте, только быстренько. Терпеть не могу холодный кофе.

Репортер засмеялся так, словно его дернули за веревочку.

– Разумеется, сэр. – Он вынул из кармана миниатюрный диктофон и включил его. – Сенатор, ваши телевизионные ролики призывают принять закон, позволяющий женщинам получать равную с мужчинами зарплату... а также снизить налоги с молодых семей. Можете ли вы прокомментировать это заявление?

– Конечно. Я всегда поддерживал сильных женщин и крепкие семьи.

Рейчел едва не подавилась круассаном.

– Кстати, о семьях, – продолжал журналист. – Вы много говорите об образовании. Даже предлагали внести весьма серьезные изменения в бюджет, чтобы направить более значительные суммы на нужды школ.

– Я считаю, что в детях – будущее страны.

Рейчел поразились: отец опустил до того, что начал цитировать затертые лозунги?

– И последнее, сэр, – вновь заговорил репортер. – За прошедшие несколько недель ваш рейтинг колоссально вырос. Очевидно, это вызывает у президента немало тревог. А что вы сами думаете по поводу своих успехов?

– Думаю, все дело в доверии. Американцы начинают понимать, что президенту нельзя доверять там, где дело касается необходимости принимать серьезные решения от имени нации. Безудержные правительственные расходы с каждым днем увеличивают долговое бремя страны. Американцы видят, что пришло время прекратить тратить деньги и заняться текущим ремонтом.

Словно не выдержав демагогии сенатора, в сумочке Рейчел заверещал пейджер. Как правило, этот резкий звук действовал на нервы, но сейчас он показался ей почти приятным и даже мелодичным.

Зато сенатору явно не понравилась внезапная помеха.

Рейчел выловила нарушителя спокойствия из сумки и набрала пятизначный код, подтверждающий, что она слышит сигнал. Писк прекратился, и засветился жидкокристаллический дисплей. Через пятнадцать секунд появилось сообщение.

Сниден улыбнулся сенатору:

– Ваша дочь, несомненно, принадлежит к разряду деловых женщин. Тем более приятно видеть вас вместе за завтраком – ведь занятым людям непросто выкроить для этого часок!

– Я же сказал: семья превыше всего.

Сниден понимающе кивнул, однако через секунду глаза его смотрели уже более холодно.

– Могу ли я узнать, сэр, каким именно образом вы с дочерью разрешаете возникающие конфликты?

– Конфликты? – Сенатор поднял голову, словно не понимая, о чем именно идет речь. – Какие конфликты вы имеете в виду?

Рейчел невольно поморщилась: игра отца ее раздражала. Она прекрасно поняла, к чему клонил репортер.

Чертовы журналисты, думала Рейчел. Половина из них состоит на содержании у политиков. Вопрос явно относился к разряду так называемых грейпфрутов, то есть был призван производить впечатление жесткой журналистской работы, фактически же предоставлял сенатору простор для саморекламы. Как в теннисе: медленная высокая подача, которую отец мог с легкостью взять. В данном случае стояла задача прояснить кое-какие туманные вопросы.

– Ну как же, сэр... – Журналист кашлянул, делая вид, что ему очень неловко и неприятно задавать подобные вопросы. – Конфликт, например, заключается в том, что ваша дочь работает на вашего оппонента и соперника.

Сенатор Секстон громко расхохотался, тем самым давая понять, что не считает проблему серьезной.

– Во-первых, Ральф, президент и я не оппоненты и не соперники. Мы оба патриоты. А загвоздка в том, что каждый из нас имеет свои собственные идеи по поводу того, как вести вперед страну, которую мы так горячо любим.

Репортер просиял. Он получил свой жирный, лакомый кусок.

– Ну а во-вторых?

– А во-вторых, моя дочь вовсе не работает у президента. Она состоит на службе в одной из структур разведки. Составляет сообщения и направляет их в Белый дом. То есть занимает далеко не самое высокое положение. – Сенатор секунду помолчал и посмотрел на Рейчел: – На самом деле, дорогая, я даже не уверен, что ты хотя бы раз встречалась с господином президентом. Я не ошибаюсь?

Она ответила яростным взглядом, но тут опять запищал пейджер, захватив ее внимание. На экране возникло несколько сокращенных слов.

Рейчел слегка нахмурилась. Сообщение было очень неожиданным и скорее всего сулило плохие новости. Во всяком случае, представился прекрасный повод попрощаться.

– Джентльмены, – проговорила она, – как ни жаль, я должна идти. Срочно вызывают на работу.

– Мисс Секстон, – быстро сориентировался журналист, – прежде чем вы уйдете, я осмелился бы спросить: как следует относиться к слухам о том, что вы встретились с сенатором за завтраком именно для того, чтобы обсудить вопрос о переходе на работу в его команду?

Рейчел показалось, что этот человек неожиданно выплеснул ей в лицо чашку горячего кофе. Вопрос застал ее врасплох. Она взглянула на отца и по его едва заметной улыбке поняла, что все это неспроста. Она едва сдержалась, так хотелось перегнуть через стол и проткнуть родителя вилок!

Журналист тем временем сунул диктофон ей прямо в лицо:

– Мисс Секстон!..

Рейчел посмотрела ему в глаза:

– Ральф, или как там, черт подери, вас зовут, слушайте внимательно и постарайтесь запомнить: я не имею ни малейшего намерения оставлять свою работу и переходить на службу к сенатору Секстону. Ну а если вы вздумаете написать что-нибудь другое, то, уверяю, вам придется приложить немало усилий, чтобы извлечь вот этот самый диктофон из вашей чертовой задницы!

Репортер явно не ожидал такого напора. Он ошеломлен, не в силах произнести ни слова. Выключил диктофон. Потом, придя наконец в себя, изобразил улыбочку:

– Благодарю вас обоих.

С этими словами он исчез.

Рейчел моментально пожалела о собственной несдержанности. Она унаследовала взрывной темперамент отца и ненавидела его за это.

«Спокойно, Рейчел, спокойно! Держи себя в руках!» Во взгляде отца читалось неодобрение.

– Тебе не помешало бы научиться вести себя поприличнее.

Она взяла сумочку.

– Свидание окончилось.

Сенатор уже думал о другом. Он достал сотовый телефон, собираясь начать очередной разговор.

– Пока, милая. Заглядывай иногда ко мне в офис, не забывай папочку. И ради Бога, поскорее выходи замуж. Тебе ведь уже тридцать три!

– Тридцать четыре! – поправила Рейчел. – Твоя секретарша даже прислала мне поздравительную открытку.

Отец хмыкнул:

– Тридцать четыре? Считай, старая дева. Знаешь, к тому времени, когда мне исполнилось тридцать четыре, я уже...

– Был женат на маме и трахал соседку?

Вопрос прозвучал громче, чем хотелось бы, и повис во внезапно наступившей в зале ресторана тишине. Посетители смотрели на них.

Глаза сенатора Секстона блеснули, а уже через мгновение словно застыли, излучая ледяной холод.

– Следите за своим поведением, леди!

Рейчел стремительно направилась к двери. «Нет уж, это вы следите за своим поведением, сенатор!»

Глава 2

Трое мужчин молча сидели в термопалатке. За ее стенками бушевал ветер, ежесекундно угрожая сорвать хрупкое сооружение с непрочных опор. Впрочем, никто из членов наблюдательной команды не обращал на это ни малейшего внимания. Каждый уже не раз бывал в переделках и посерьезнее.

Палатка была абсолютно белой и, скрытая от посторонних глаз, стояла в углублении. И средства связи, и транспорт, и оружие – все соответствовало самым высшим стандартам. Руководитель группы имел кодовое имя Дельта-1. Он был мускулистым и гибким, а глаза казались такими же пустыми и лишенными жизни, как и та земля вокруг, на которую их занесло.

Военный хронограф на руке Дельты-1 издал резкий сигнал. Звук прозвучал в унисон с сигналами хронографов двух других членов команды.

Значит, прошло еще тридцать минут.

Время тянулось неимоверно медленно.

Дельта-1 задумчиво поднялся и, не произнеся ни слова, вышел из палатки в кромешную тьму под резкие удары ветра. Подняв к глазам прибор ночного видения, внимательно изучил залитый лунным светом горизонт. Как всегда, сосредоточился на объекте. Он находился за тысячу метров от него и представлял собой огромное сооружение, вздымающееся над голой пустынной землей. Вместе со своей командой Дельта-1 наблюдал за сооружением уже десять дней, с того самого момента, как было закончено его строительство. Он ни секунды не сомневался, что секретная пока еще информация, которая содержится там, внутри, способна изменить мир. Чтобы уберечь ее, уже принесена в жертву человеческая жизнь.

Вокруг объекта стояла полная тишина.

Но суть, конечно, заключалась в том, что происходит внутри его.

Дельта-1 вернулся в палатку и взглянул на подчиненных:

– Пора начинать сеанс.

Они кивнули. Тот, что повыше, Дельта-2, раскрыл ноутбук и включил его. Устроившись перед дисплеем, он уверенно сжал джойстик и сделал короткое, точно рассчитанное движение. В ту же секунду за тысячу метров от палатки спрятанное в глубине объекта наблюдательное устройство величиной с комара получило команду и ожило.

Глава 3

Рейчел Секстон никак не могла успокоиться. Она гнала свой белый «форд» по Лисберг-хайвей. Голые стволы кленов у подножия Фоллс-Черч чернели на фоне прозрачного, чистого, словно хрустального мартовского неба. Однако даже красота мирного пейзажа, напоминающего эстамп, была не в силах усмирить гнев Рейчел. Недавний резкий взлет рейтинга отца, казалось, должен был бы сделать его великодушнее и придать ему уверенности в собственных силах, но вместо этого лишь раздул его и без того болезненно повышенное самомнение.

Ложь на его устах ранила больно, ибо он остался для Рейчел единственным близким человеком. Мать ее умерла три года назад. Потеря оказалась невосполнимой, душевная рана кровоточила до сих пор. Единственным, хотя и странным, неестественным утешением для Рейчел служила мысль, что смерть освободила ее мать от многолетнего глубокого разочарования, острого до отчаяния, в которое ее повергла жизнь с Седжвиком Секстоном.

Пейджер снова подал голос, возвращая ее мысли к бесконечной ленте дороги. Сообщение было тем же самым, закодированным:

– Сообщите руководителю о состоянии объекта.

Рейчел вздохнула: «Я еду, еду! Ради Бога!»

Со все возрастающим чувством неуверенности и тревоги она подъехала к знакомому перекрестку, свернула на частную дорогу и наконец остановилась возле снабженного самыми современными охранными системами пропускного пункта. Это и был номер 14225 по Лисберг-хайвей – один из наиболее секретных объектов в стране.

Охранник тщательно проверял машину на случай, если на нее поставили «жучки», а Рейчел не отводила глаз от темнеющего вдали огромного здания. Комплекс площадью в миллион квадратных футов величественно возвышался на шестидесяти восьми акрах покрытой лесом земли непосредственно за пределами округа Колумбия, в штате Виргиния, в местечке под названием Фэрфакс. Фасад здания был сплошь из зеркального стекла, в котором отражалась целая батарея расположенных неподалеку спутниковых антенн и радаров. В таком количестве они производили устрашающее впечатление.

Через пару минут Рейчел оставила машину на стоянке и мимо аккуратно подстриженной лужайки направилась к главному входу. Рядом с подъездом высился гранитный монолит с надписью «Национальное разведывательное управление (НРУ)».

Двое вооруженных морских пехотинцев, стоявших по обе стороны пуленепробиваемой вращающейся двери, не пошевелились при приближении женщины и даже не повернули голов, продолжая невозмутимо смотреть перед собой. В западне двери-вертушки Рейчел ощутила знакомое чувство: казалось, что она исчезает в чреве спящего чудовищного гиганта.

В холле со сводчатым потолком шелестели приглушенные разговоры находящихся тут людей. Звук будто просачивался откуда-то сверху. Огромное яркое мозаичное панно на стене провозглашало:

ОБЕСПЕЧИТЬ МИРОВОЕ ПРЕВОСХОДСТВО

США В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИИ В МИРНОЕ ВРЕМЯ

И В ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Холл украшали огромные фотографии, сделанные на местах знаменательных и памятных событий: запуск ракет, торжественный спуск субмарин, установка наблюдательного оборудования. Все эти достижения имели право на должную оценку исключительно в этих стенах, и нигде больше.

Как всегда, личные проблемы сразу отступили на второй план. Рейчел оказалась в особом потайном мире. Здесь другие проблемы врываются в сознание, словно тяжело груженные товарные составы, а решения приходили неслышно, словно подкрадываясь.

Приближаясь к последнему из пропускных пунктов, Рейчел вновь задумалась, что же именно заставило ее пейджер волноваться дважды в течение последних тридцати минут.

– Доброе утро, мисс Секстон, – с улыбкой приветствовал охранник, едва она подошла к массивной стальной двери.

Рейчел молча кивнула в ответ.

Охранник протянул крошечный тампон.

– Вы знаете порядок, – снова улыбнулся он, на сей раз виновато.

Привычным жестом Рейчел взяла герметично упакованный ватный тампон и, освободив его от пластиковой обертки, положила в рот. Несколько секунд подержала под языком. Потом передала охраннику. Тот поместил тампон в ячейку стоявшего за спиной аппарата. Потребовалось всего четыре секунды, чтобы определить последовательность молекул ДНК в слюне. На мониторе появилось изображение Рейчел и заключение системы безопасности.

Охранник подмигнул.

– Кажется, вы – это все еще вы, – весело сообщил он. Вынув из ячейки вату, он опустил ее в широкое отверстие, и аппарат моментально уничтожил тампон. – Порядок!

Охранник нажал кнопку, и тяжелая дверь медленно отъехала в сторону.

Рейчел оказалась в лабиринте коридоров и переходов, где кипела жизнь. За шесть лет пребывания в этом мире она так и не смогла привыкнуть к масштабу и размаху той деятельности, которая ни на секунду здесь не прекращалась. Помимо этого комплекса, Управление имело в своем распоряжении еще два, пользуясь услугами десяти тысяч сотрудников. А его финансовый оборот составлял более десяти миллиардов долларов в год.

В атмосфере строжайшей секретности НРУ занималось созданием и внедрением колоссального, поразительного и по масштабу, и по мощи арсенала шпионских технологий: электронных систем слежения и подслушивания, способных действовать в любой точке планеты; спутников-шпионов; молчаливых, никак и ничем себя не проявляющих релейных элементов для систем коммуникации; глобальной сети морского слежения под названием «Классик визард». Эта секретная сеть включала в себя тысячу четыреста пятьдесят шесть гидрофонов, установленных на дне моря во всех районах земного шара. Они тщательно следили за передвижением судов в любом месте земли.

Все эти умопомрачительные технологии, разработанные и неустанно контролируемые Управлением, не только помогали Соединенным Штатам одерживать убедительные военные победы, но и в мирное время служили неиссякаемым источником ценной информации для

таких структур, как ЦРУ, НАСА и министерство обороны. Борьба с терроризмом, преступным синдикатом, приносящим вред окружающей среде, обеспечение политиков сведениями, необходимыми для принятия обоснованных и трезвых решений по широчайшему спектру проблем, – такие масштабные задачи стояли перед структурой, скрытой под аббревиатурой НРУ.

Рейчел работала здесь в качестве «джистера». Жаргонное словечко обозначало человека, занимающегося обработкой поступающей информации. В ее обязанности входили анализ всех приходящих в Управление сообщений самого разного характера и краткое, четкое изложение выводов на бумаге. Она с легкостью справлялась с трудными, требующими острого ума и железной логики задачами. И в этом ей немало помогал опыт, полученный в работе с отцом, – копание в куче того, что сама Рейчел называла дерьмом, не прошло даром.

Сейчас она занимала высшую в своей области должность, осуществляя информационную связь с Белым домом и отвечая за регулярную, ежедневную доставку секретных аналитических обзоров в высшие сферы. Именно она решала, какая информация может оказаться важной для президента, а затем «процеживала» ее, оставляя лишь суть. Краткие, логически выверенные отчеты отправлялись в офис советника президента по национальной безопасности. Говоря на языке НРУ, Рейчел «производила конечный продукт и отправляла его известному клиенту».

Хотя работа, несомненно, была очень сложной и отнимала много времени, Рейчел воспринимала ее как знак особого доверия и чести. А кроме того, служба позволяла ей ни в малейшей степени не зависеть от отца. Много раз сенатор предлагал ей поддержку, если она все-таки решится покинуть пост. Однако Рейчел не имела желания хоть в чем-то зависеть от мистера Секстона, а уж меньше всего – в финансовом отношении. Наглядным свидетельством того, что может случиться, если этот человек соберет в своих руках слишком много козырных карт, служила судьба матери.

Звук пейджера показался особенно громким и гулким, эхом разносясь по мраморному коридору.

Снова? На сей раз она даже не взглянула на сообщение.

Размышляя о том, чем вызваны все эти звонки, Рейчел вошла в лифт и нажала кнопку самого верхнего этажа.

Глава 4

Назвать руководителя НРУ непривлекательным человеком было бы не вполне верно. Директор Управления Уильям Пикеринг представлял собой миниатюрное создание с бледным, невыразительным, совершенно не запоминающимся лицом, лысым черепом и светлогарими глазами. Странно, но, несмотря на то что эти глаза неотрывно следили за тайной жизнью страны, они все равно казались мелкими лужицами. Однако, имея столь невзрачную внешность, директор умел поставить себя выше всех, кто с ним работал. Его неяркая, словно стертая личность и скромная, не приукрашенная даже долей экстравагантности жизненная философия стали легендой в стенах Управления. Тихое, без показухи, усердие в сочетании с привычкой носить строгие черные костюмы заслужило ему прозвище Квакер. Блестящий стратег и живое воплощение профессионализма и глубоких знаний, Квакер управлял всем с завидной, непревзойденной уверенностью и безмятежностью. Его кредо: «Найди правду. Говори правду. Твори правду».

В тот момент, когда Рейчел стремительно вошла в кабинет директора, он разговаривал по телефону. И снова, в который уже раз, она поразилась тому, как выглядит этот человек: Уильям Пикеринг вовсе не походил на всемогущего босса, которому позволено абсолютно все, даже разбудить президента среди ночи.

Пикеринг положил трубку и жестом пригласил Рейчел подойти поближе к столу.

– Присядьте, пожалуйста, агент Секстон. – Голос его звучал бесстрастно.

– Спасибо, сэр.

Несмотря на то что многие сотрудники ощущали дискомфорт, общаясь с директором, Рейчел всегда испытывала к нему симпатию. Может, просто потому, что он являл собой резкий контраст с ее отцом. Внешне некрасивый, ни в коей мере не обладающий тем качеством, которое принято называть харизматичностью, Пикеринг выполнял свой долг с беззаветным патриотизмом, вовсе не желая оказаться в лучах славы, тогда как сенатор стремился именно к этому.

Пикеринг снял очки и внимательно взглянул на Рейчел:

– Агент Секстон, с полчаса назад мне звонил президент. Речь шла именно о вас.

Рейчел невольно склонила голову. Пикеринг, как обычно, сразу приступил к сути дела. Лиха беда начало, подумала она.

– Надеюсь, дело не касается моих отчетов. Неужели с ними какие-то проблемы? – произнесла она.

– Нет-нет, что вы! Напротив, президент сказал, что Белый дом высоко ценит вашу работу. Рейчел вздохнула с облегчением.

– Так в чем же дело? Чего он хочет?

– Личной встречи с вами. Немедленно.

Неприятное предчувствие охватило Рейчел.

– Личной встречи? По какому поводу?

– Прекрасный вопрос! Но он мне этого не открыл.

На какой-то момент Рейчел растерялась. Пытаться сохранить что-то в тайне от директора НРУ было равносильно желанию утаить от папы римского секреты Ватикана. Среди сотрудников разведки гуляла поговорка, что если Уильям Пикеринг не знает о чем-то, то этого просто не существует.

Шеф встал из-за стола и начал не спеша прохаживаться вдоль огромного окна.

– Он просил меня немедленно найти вас и отправить к нему.

– Что, прямо сейчас?

– Транспорт прибыл, ожидает на улице.

Рейчел нахмурилась. Приглашение к президенту ее взволновало. Но еще больше тревожило озабоченное выражение, появившееся на лице директора.

– Вы чего-то недоговариваете, сэр.

– Черт возьми! Действительно недоговариваю! – неожиданно взорвался Пикеринг. – Цель президента предельно ясна. Вы – дочь человека, который в настоящее время буквально наступал ему на пятки. И вот теперь президент требует личной встречи. Вряд ли это простое совпадение. Уверен, ваш отец согласился бы со мной.

Рейчел сознавала правоту Пикеринга.

– А в чем вы сами видите смысл этой встречи с президентом?

– В свое время я давал клятву обеспечивать нынешнюю администрацию Белого дома секретной информацией, а не размышлять о намерениях президента.

Типичный для Пикеринга ответ, подумала Рейчел. Директор считал политиков людьми временными. Подобно шахматным фигурам, они стремительно проносились по белым и черным клеткам поля. А настоящими игроками оставались люди, подобные ему самому, – опытные, бывалые ветераны, которые сидят за шахматной доской достаточно долго для того, чтобы понимать перспективу любой из возможных партий. Пикеринг любил повторять, что даже двух сроков пребывания в Белом доме недостаточно, чтобы постичь всю сложность мирового политического ландшафта.

– Возможно, это приглашение и не таит в себе ничего особенного, – предположила Рейчел, надеясь, что президент все-таки найдет в себе силы стать выше каких-либо предвыборных трюков. – Может, ему просто срочно требуется анализ важного и срочного сообщения.

– Ни в коем случае не желая вас обидеть, агент Секстон, позволю себе заметить, что Белый дом обладает немалым количеством квалифицированных «джистеров». Так что президент вполне может прибегнуть к их услугам. По этой причине он вряд ли будет искать встречи с вами. Во всяком случае, не стал бы этого делать, не объяснив мне, зачем вызывает вас, мою подчиненную.

Пикеринг называл всех своих сотрудников «подчиненными». Многим такое обращение очень не нравилось, поскольку казалось холодным, безразличным и унижительным.

– Ваш отец набирает политический вес, – продолжал Пикеринг. – И вес немалый. Белый дом наверняка начинает нервничать. – Директор вздохнул. – Политика – жестокий бизнес. Так что если господин президент требует встречи с дочерью своего соперника, то, мне кажется, в этом заключено нечто гораздо большее, чем анализ информации.

Рейчел ощутила неприятный холодок. Жизнь уже не раз показывала, что подозрения Пикеринга всегда оправдываются.

– Так, значит, вы опасаетесь, что Белый дом запаниковал и намерен втравить и меня в политическую мясорубку?

Пикеринг не торопился с ответом.

– Дело в том, что вы не даете себе труда скрывать ваше истинное отношение к отцу. Не сомневаюсь, организаторы предвыборной кампании президента в курсе дела. И мне представляется, что они могут попытаться каким-то образом использовать вас в игре против сенатора.

– И где же мне поставить подпись? – полушутя-полусерьезно поинтересовалась Рейчел.

Пикеринг словно и не слышал. Он сурово взглянул на нее:

– Хочу предостеречь вас, агент Секстон. Если чувствуете, что личное отношение к отцу может при встрече с президентом повлиять на вашу способность рассуждать трезво, то очень советую отказаться от нее.

– Отказаться? – Рейчел нервно рассмеялась. – Разве я могу отказать президенту?

– Вы – нет, разумеется. Но могу отказать я.

Слова прозвучали неожиданно весомо и резко. Сразу вспомнилась вторая составляющая прозвища Квакера. Несмотря на блеклую внешность, Пикеринг в минуты гнева был вполне способен вызвать политическое землетрясение.¹

– Мои мотивы в данной ситуации очень просты, – пояснил директор. – Я отвечаю за своих подчиненных и обязан защищать их. Особенно если кого-то из моих людей хотят использовать в качестве марионетки в политической игре.

– Что же вы посоветуете мне делать?

Пикеринг вздохнул:

– Посоветую все-таки встретиться с ним. Не берите на себя никаких обязательств. Если президент даст вам понять, что у него на уме, позвоните мне. И если окажется, что он затеял играть вами, словно мячиком, полностью положитесь на меня. Я сумею вывести вас из-под удара биты так быстро, что он и сообразить не успеет, что произошло.

– Благодарю, сэр. – От этого человека исходила та спокойная и надежная сила, какой Рейчел всегда недоставало в отце. – Вы сказали, что президент прислал машину?

– Не совсем так. – Пикеринг нахмурился и поднял руку, показывая на окно.

Рейчел с недоумением поднялась и посмотрела вниз.

Тупоносый вертолет «Эм-эйч-60», «ястреб», казалось, светился от облепивших его эмблем Белого дома. Рядом, поглядывая на часы, стоял пилот.

Рейчел повернулась к Пикерингу:

– Неужели президент прислал за мной вертолет, чтобы доставить на расстояние пятнадцати миль?

– Президент явно надеется или произвести на вас впечатление, или испугать. – Пикеринг бросил внимательный взгляд на Рейчел. – Но мне кажется, он не добился ровным счетом ничего.

Она кивнула. Однако в действительности президенту удалось сделать и то и другое.

Спустя четыре минуты Рейчел Секстон вышла из здания и поднялась на борт ожидавшего ее вертолета. Она даже не успела пристегнуть ремни, как машина взмыла в воздух, воспарив над лесами штата Виргиния. Рейчел посмотрела на плывущие под ней деревья и ощутила, как сердце начинает биться все быстрее и громче. Ее пульс стал бы еще бешенее, знай она, что вертолет направляется отнюдь не к Белому дому.

¹ Игра слов, основанная на созвучии английских слов quaker (квакер) и quake (землетрясение). – *Здесь и далее примеч. ред.*

Глава 5

Отчаянный ветер трепал палатку, но Дельта-1 этого не замечал. Вместе с Дельтой-3 он внимательно наблюдал за вторым номером. Тот с удивительной, почти хирургической точностью манипулировал джойстиком. На дисплее отображалось то, что передавала микроскопическая телекамера, установленная на крошечном роботе.

Самый совершенный из всех приборов наблюдения, подумал Дельта-1. Он все еще не мог привыкнуть к этому чуду и удивлялся при каждом его включении. В последнее время достижения микромеханики зачастую оставляли далеко позади воображение фантастов.

Микроскопические электромеханические системы (МЭМС), или микроботы, были последним словом в области высокотехнологичного наблюдения. Специалисты называли их «мухами на стене технологии».

Хотя микроскопические роботы с дистанционным управлением все еще казались нереальными, словно сошедшими со страниц научно-фантастических романов, они появились уже в девяностых годах. В мае 1997 года журнал «Дискавери» напечатал статью о микроботах. Он рассматривал их «летающую» и «плавающую» разновидности. Пловцы, так называемые наносубмарины, имели размеры не больше крупинки соли. Их можно было внедрять в кровеносную систему человека, как в фильме «Фантастическое путешествие». Они уже использовались в медицине, помогая врачам дистанционно управлять процессами в артериях и, не беря в руки скальпель, определять место закупорки сосуда, уже существующей или возможной.

При создании летающего микробота ставились более простые задачи. Технологии аэродинамики, позволяющие машине подняться в воздух и летать, известны еще со времен полета одного из братьев Райт в Китти-Хоке. В дальнейшем процесс шел исключительно по пути уменьшения размеров. Длина первых летающих микроботов, разработанных специалистами НАСА для непилотируемой экспедиции к Марсу, достигала нескольких дюймов. Вскоре эти аппараты стали обыденной реальностью благодаря прогрессу нанотехнологии, появлению сверхлегких абсорбирующих материалов и успехам микромеханики.

Но настоящий прорыв произошел в новой области, получившей название биомимикрии, то есть в отрасли, копирующей саму природу. Оказалось, что крошечные стрекозы – идеальный образец для создания шустрых и очень эффективных летающих микроботов. Модель под кодовым названием «РН-2», которой сейчас и управлял Дельта-2, имела всего сантиметр в длину – то есть была не больше комара. А летала она при помощи двойной пары прозрачных крыльев, закрепленных на крошечных шарнирах. В результате шпионская игрушка отличалась удивительной мобильностью и эффективностью.

Еще одним прорывом стала система подзарядки механизма. Первые образцы микроботов могли подзаряжать свои батареи, находясь вблизи непосредственного источника света. А это серьезно ограничивало их применение: они оказывались не у дел в темных помещениях, равно как и в тех случаях, когда требовалась особая секретность. Аппараты нового поколения, однако, могли подзаряжаться, находясь на расстоянии нескольких дюймов от магнитного поля. К счастью, в современном мире магнитные поля есть абсолютно везде, даже в достаточно укромных уголках. Их создают блоки питания, мониторы компьютеров, электромоторы, аудиоколонки, сотовые телефоны – трудно сетовать на дефицит малозаметных источников энергии. Так что теперь микробот, успешно внедрившись в конкретную среду, имел возможность практически бесконечно передавать аудио- и видеoinформацию. Микробот «РН-2» отлично служил подразделению «Дельта» уже целую неделю.

Словно насекомое, спрятавшееся в огромном амбаре, микробот завис в неподвижном воздухе центральной зоны объекта. Оглядывая пространство, этот внимательный наблюдатель

бесшумно летал над ничего не подозревающими людьми – техниками, учеными, специалистами самых различных областей науки. Глядя на дисплей компьютера, Дельта-1 заметил, как увлечены беседой двое хорошо знакомых ему людей. Было бы неплохо услышать их разговор. Командир коротко велел максимально снизить микробот.

Манипулируя системой управления, Дельта-2 включил звуковые сенсоры робота, сориентировал параболический усилитель и спустил аппарат на высоту десяти футов над головами ученых. Сразу послышался слабый, но вполне различимый звук.

– И все-таки я никак не могу в это поверить, – говорил один из исследователей.

В его голосе слышалось волнение, хотя он находился на объекте уже сорок восемь часов.

Собеседник полностью разделял его энтузиазм.

– Ты когда-нибудь предполагал, что станешь свидетелем чего-то подобного?

– Никогда, – ответил первый. – Все это больше похоже на удивительный сон.

Дельта-1 услышал достаточно. Ясно, что на объекте все идет по плану, без каких бы то ни было неожиданностей. Дельта-2 дал команду микроботу вернуться в то место, где он находился раньше. Крошечное устройство незаметно расположилось возле цилиндра электрогенератора. Батареи «РН-2» тут же начали подзаряжаться.

Глава 6

Пока вертолет нес Рейчел Секстон в прозрачном небе, она обдумывала события сегодняшнего утра. Затем, глянув вниз, она увидела, что под ними Чесапикский залив. Странно! Вашингтон ведь совершенно в другом направлении! Поначалу это просто удивило ее, но через мгновение удивление сменилось тревогой, даже страхом.

– Эй! – крикнула она пилоту. – Что вы делаете? – Из-за шума винтов голос прозвучал едва слышно. – Вы же должны доставить меня в Белый дом!

Пилот покачал головой:

– Извините, мисс. Президент сегодня утром не в Белом доме.

Рейчел постаралась вспомнить, говорил ли Пикеринг о Белом доме или она сама домыслила это.

– Так где же он?

– Ваша встреча с ним состоится в другом месте.

– Черт подери! Где же?

– Уже совсем недалеко.

– Я спросила не об этом.

– Еще шестнадцать миль.

Рейчел едва сдержалась. Этому парню надо было стать политиком.

– Вы на пули не обращаете внимания так же, как на вопросы?

Пилот ничего не ответил.

Вертолет пересек Чесапикский залив меньше чем за семь минут. Когда внизу снова оказалась земля, пилот резко повернул на север и обогнул узкий полуостров, на котором Рейчел заметила паутину дорог, взлетно-посадочных полос и несколько зданий, очень похожих на военные. Вертолет снизился, и Рейчел поняла, куда ее привезли. Шесть взлетных площадок и ракетных башен – совсем неплохая подсказка. Ну а если бы и этого оказалось мало, то на сей случай на крыше одного из зданий красовалось прямое указание. Огромными буквами на ней значилось: «Уоллопс-Айленд».

Уоллопс был одним из самых старых ракетных полигонов НАСА. Он и сейчас еще использовался для запуска спутников и тестирования экспериментального воздушного и космического оборудования. И все-таки его смело можно было назвать самой закрытой базой НАСА.

Президент в Уоллопсе? Невероятно!

Пилот выровнял траекторию по трем взлетно-посадочным полосам, которые тянулись вдоль узкого полуострова. Теперь вертолет летел гораздо медленнее.

– Вы встретитесь с президентом в его офисе.

Рейчел обернулась, чтобы посмотреть, не шутит ли парень.

– Неужели президент Соединенных Штатов имеет офис в Уоллопсе?

Пилот оставался совершенно серьезным.

– Президент Соединенных Штатов имеет офис там, где пожелает, мисс.

Он указал в самый конец взлетно-посадочной полосы. Вдалеке Рейчел увидела очертания чего-то огромного, тускло поблескивающего. Сердце ее едва не остановилось. Даже на расстоянии трехсот ярдов она узнала светло-голубой корпус модифицированного «Боинга-747».

– Мне предстоит встреча на борту...

– Да, мисс. Дом вдалеке от дома.

Рейчел посмотрела на мощный самолет. Это великолепное воздушное судно имело военный код VC-25-A, хотя весь мир знал его под другим именем: «Борт номер 1».

– Похоже, сегодня вы попадете на новый, – заметил пилот, обращая ее внимание на цифры по борту самолета.

Рейчел невыразительно кивнула. Очень мало кто из американцев знал, что в действительности на службе в ВВС состояли два «Борта номер 1». Они составляли пару совершенно одинаковых, специально сконструированных «Боингов 747-200-В». Один из них носил бортовой номер 28000, другой – 29000. Оба самолета были способны развить скорость до шестисот миль в час и могли заправляться в воздухе. А это делало их практически вездесущими.

Вертолет нацелился на ближнюю к президентскому самолету полосу. Рейчел сразу поняла, почему «Борт номер 1» нередко называли летающей крепостью. Он выглядел весьма внушительно, его размеры производили гнетущее впечатление.

Когда президент летал в другие страны, чтобы встретиться с главой того или иного государства, он часто просил – из соображений безопасности, – чтобы встреча проходила на борту его самолета. Но конечно, кроме безопасности, существовала и иная причина нежелания покидать самолет – президент надеялся получить преимущество в переговорах за счет того впечатления, которое производила летающая крепость: ни один человек на свете не смог бы чувствовать себя уверенно в давящей громаде самолета. Посещение «Борта номер 1» производило куда более эффектное впечатление, чем визит в Белый дом. Огромные, в шесть футов высотой, буквы на фюзеляже не говорили, а кричали: «Соединенные Штаты Америки».

Однажды член британского кабинета министров, дама, обвинила президента Никсона в том, что он «сует ей в нос свое мужское достоинство», когда он пригласил ее на «Борт номер 1». После этого команда дала самолету прозвище Большой Дик.²

– Мисс Секстон? – Рядом с вертолетом материализовался агент службы безопасности. Он открыл дверь и подал даме руку. – Президент ожидает вас.

Рейчел выбралась из вертолета и взглянула на крутой трап, по которому ей предстояло подняться в самолет.

Вот он, летающий фаллос, внезапно подумала она. Когда-то она слышала, что этот «овальный кабинет» с крыльями имеет площадь не менее четырех тысяч квадратных футов, включая четыре отдельных спальни, спальные места для команды численностью в двадцать шесть человек и две кухни, способные прокормить полсотни служащих.

Поднимаясь по трапу, Рейчел ощущала, как следом за ней, едва не наступая на пятки, идет агент службы безопасности – как будто следит, чтобы она не убежала. Высоко над головой, словно крошечная ранка на громадном теле гигантского серебряного кита, зияла открытая дверь самолета. Рейчел приблизилась к полумраку входа и ясно почувствовала, как решимость окончательно покинула ее.

«Спокойно, Рейчел, это всего лишь самолет!» – призвала она на помощь собственный разум.

Когда они оказались внутри, в помещении, напоминавшем лестничную площадку, агент очень вежливо взял даму под руку и повел по удивительно узкому коридору. Они повернули направо, прошли немного и оказались в просторной, шикарно отделанной и обставленной комнате. Рейчел сразу узнала ее: не раз она разглядывала ее на фотографиях.

– Подождите, пожалуйста, здесь, – попросил провожатый и исчез.

Агент Секстон стояла в одиночестве в знаменитой, отделанной деревянными панелями приемной «Борта номер 1». Здесь проводили встречи и заседания, развлекали знаменитостей и, судя по всему, пугали тех, кто оказался на борту впервые. Комната простиралась на всю ширину самолета, пол покрывал толстый мягкий ковер. Обстановка выглядела безупречно. Обитые цветной дубленой кожей кресла вокруг овального кленового стола, сверкающие мед-

² Игра слов. Дик: 1) сокращенное от Ричард – имя президента Никсона; 2) жаргонное название мужского полового органа.

ные торшеры по углам широкого дивана, застекленный бар красного дерева, в котором таинственно поблескивал ручной работы хрусталь.

Дизайнеры, создававшие интерьер, очень тщательно продумали обстановку и убранство приемной, которая производила на посетителя впечатление спокойного, ничем и никем не нарушаемого порядка. Однако именно спокойствия не доставало сейчас Рейчел. Единственное, о чем она могла думать, так это о том, сколько же мировых знаменитостей сидели здесь, принимая решения, способные изменить ход истории.

Все здесь свидетельствовало о силе и могуществе, начиная со слабого аромата трубочного табака и заканчивая вездесущим президентским гербом. Орел, держащий в лапах стрелы и оливковые ветви, смотрел отовсюду: с диванных подушек, с ведерка для льда и даже с подставок под бокалы, стоящих на баре.

Рейчел взяла в руки одну подставку и начала ее рассматривать.

– Уже пытаемся стащить сувенир на память? – раздался за ее спиной глубокий голос.

От неожиданности она вздрогнула и выронила подставку. Неловко опустилась на колени, чтобы поднять. Оглянулась. Президент Соединенных Штатов, улыбаясь, с интересом смотрел на нее сверху вниз.

– Я не королевская особа, мисс Секстон. Так что вставать на колени нет никакой необходимости.

Глава 7

Сенатор Седжвик Секстон наслаждался комфортом и покоем. Его роскошный «линкольн» пробирався по плотно забитым машинами, как и всегда по утрам, вашингтонским улицам. Напротив сенатора устроилась его личная помощница Гэбриэл Эш, двадцати четырех лет от роду. Она знакомила Секстона с расписанием встреч на сегодня, но тот едва понимал, о чем она говорит.

«Люблю Вашингтон, – думал он, с удовольствием разглядывая прекрасную фигуру помощницы, которую не мог скрыть даже кашемировый свитер. – Власть – самый сильный сексуальный стимулятор... именно она привлекает таких женщин».

Гэбриэл Эш окончила престижный университет и сама мечтала когда-нибудь стать сенатором. Секстон не сомневался, что это ей удастся. Девушка была невероятно хороша собой и в такой же степени умна. Более того, она прекрасно понимала и полностью принимала правила игры.

Гэбриэл была темнокожей. Однако ее скорее можно было назвать не черной, а светло-коричневой или, если уж на то пошло, цвета красного дерева. Словом, она представляла собой нечто удобно-среднее, и сверхщепетильные в этом вопросе белые американцы могли терпеть ее цвет кожи без ужасного чувства, что предают своих. Приятелям Секстон хвастался, что его помощница выглядит как Холли Берри, а умна и честолобива, как Хиллари Клинтон. Однако иногда ему казалось, что подобные сравнения не полностью отражают достоинства этой во всех отношениях выдающейся молодой особы.

Сенатор повысил Гэбриэл в должности три месяца назад, назначив на пост личной ассистентки в его предвыборной кампании, и оказалось, что не ошибся: она работала необычайно успешно. А кроме того, совершенно бесплатно. Компенсацией за шестнадцатичасовой рабочий день служил приобретаемый опыт: рядом с бывалым политиком можно многое узнать и многому научиться.

Секстон торжествовал. Он сумел научить девушку куда большему, чем просто хорошей работе. После продвижения по службе сенатор пригласил ее в свой личный кабинет поздно вечером, намереваясь ввести в курс дела. Как и предполагалось, молодая ассистентка явилась, преклоняясь перед звездным блеском босса и стремясь угодить. Со своим фирменным нетерпеливым терпением, отточенным десятилетиями практики, сенатор творил чудо: добился полного доверия Гэбриэл, постепенно освободил ее от комплексов, продемонстрировал поразительное самообладание и в конце концов соблазнил девушку прямо здесь, в офисе.

Секстон не сомневался, что это событие оказалось самым ярким в сексуальной жизни молодой особы. Он ошибся. Уже наутро, при свете дня, Гэбриэл пожалела о собственной несдержанности. Смущенная, она предложила уйти в отставку. Секстон отверг этот вариант. Гэбриэл осталась, но совершенно ясно определила свои намерения. С тех самых пор между боссом и помощницей установились исключительно деловые отношения.

Губы Гэбриэл все еще двигались. Она давала боссу ценные советы:

– Не будьте чересчур сентиментальны, когда отправитесь на теледебаты на Си-эн-эн сегодня днем. Мы до сих пор не знаем, кого Белый дом пришлет в качестве оппонента. Вам потребуется просмотреть вот эти заметки.

Девушка передала сенатору папку с бумагами.

Секстон взял папку, с удовольствием вдыхая приятный аромат, вернее, целый букет ароматов: тонкие духи ассистентки соединились с богатым запахом замшевых сидений автомобиля.

– Вы меня не слушаете, – заметила наставница.

– Что вы, очень даже слушаю. – Сенатор ухмыльнулся. – Забудьте о теледебатах. Самое худшее, что может сделать Белый дом, – это прислать мне в пику кого-нибудь из самых нижних чинов, например интерна избирательной кампании. Ну а если в ход пойдет лучший сценарий, они пошлют какую-нибудь важную шишку, и я съем ее на обед.

– Отлично. Вот список наиболее вероятных нежелательных тем.

– Все это мне давно известно.

– Один новый пункт. Мне кажется, возможен враждебный выпад со стороны гомосексуалистов – относительно вашего вчерашнего заявления.

Секстон пожал плечами:

– Действительно. Вопрос об однополых браках.

Гэбриэл нахмурилась:

– Вы чрезвычайно решительно выступили против них.

Однополые браки, с отвращением подумал Секстон. Если бы это зависело от него, гомики лишились бы даже избирательных прав.

– Ну ладно, – нехотя согласился он, – так и быть, немножко сбавлю обороты.

– Вот и хорошо. А то в последнее время вы стали переживать в отношении этих больных тем. Не увлекайтесь. Аудитория может изменить мнение в одну секунду. Сейчас вы впереди и набираете силу. Так пользуйтесь этим, оседлайте волну! Не нужно отбивать мяч за площадку. Подержите его в игре.

– А из Белого дома есть новости?

Гэбриэл казалась озадаченной, и это порадовало сенатора.

– Молчание продолжается. Ваш оппонент превратился в человека-невидимку.

В последнее время Секстон боялся верить в свою удачу. Президент несколько месяцев упорно разрабатывал тактику своей избирательной кампании. И вдруг примерно неделю назад он внезапно уединился в Овальном кабинете, и с этого момента никто его не видел и не слышал. Казалось, могучий соперник просто не в силах терпеть все возрастающую популярность сенатора.

Гэбриэл пригладила прямые черные волосы.

– До меня дошли слухи, что те, кто работает в его избирательной кампании, сами удивлены и растеряны. Президент категорически отказывается комментировать свое исчезновение. Естественно, все просто в шоке.

– Ну и какие возможны объяснения?

Гэбриэл взглянула на него. Очки придавали ей очень серьезный вид.

– Сегодня мне удалось получить интересную информацию непосредственно из Белого дома, по собственным каналам.

Секстон узнал этот взгляд. Гэбриэл Эш опять раздобыла какие-то сугубо внутренние, секретные сведения. Интересно, как она расплачивается со своими источниками? А собственно, какое ему до этого дело? Главное, что информация продолжает поступать.

– Поговаривают, – продолжала ассистентка, перейдя на шепот, – что президент начал вести себя странно с прошлой недели, после неожиданной частной беседы с администратором НАСА. Президент вернулся со встречи озадаченный и растерянный. Немедленно отменил все, что было запланировано, и с тех пор поддерживает самую тесную связь с НАСА.

Секстону определенно понравилось то, что он услышал.

– Так вы считаете, космическое агентство могло сообщить ему какие-то плохие новости?

– Вполне возможно, – с надеждой ответила Гэбриэл, – хотя должно было произойти что-то из ряда вон выходящее, чтобы президент вот так все бросил.

Секстон помолчал, размышляя. Очевидно, события в НАСА разворачиваются неблагоприятно, иначе президент наверняка швырнул бы новости в лицо сопернику. Ведь в последнее время Секстон безудержно критиковал президента за финансирование космического агент-

ства. Цепь недавних неудач и колоссальный перерасход бюджета оказались на руку сенатору, сделавшему критику этих промахов правительства отдельным направлением своей избирательной кампании. Скорее всего атаки на НАСА – этот один из самых значительных символов Америки и предмет национальной гордости – вряд ли можно было назвать лучшим способом завоевать голоса избирателей, однако сенатор Секстон обладал оружием, которого не имел больше никто из политиков, – ассистенткой по имени Гэбриэл Эш, с ее неподражаемой интуицией и чуткостью.

Эта одаренная молодая женщина привлекла внимание Секстона несколько месяцев назад, когда работала координатором в вашингтонском офисе избирательной кампании сенатора. В то время его рейтинг оставался еще очень низким, на первичных выборах он показал плохой результат, а его критика безмерного мотовства правительства не достигала цели. И именно в тот момент Гэбриэл Эш представила боссу свою концепцию избирательной кампании. Это оказалась совершенно иная, свежая и оригинальная точка зрения и на происходящие события, и на первоочередные действия. Гэбриэл предлагала сенатору в качестве объекта нападения огромный бюджет НАСА, который агентство к тому же регулярно превышало. А постоянные уступки агентству со стороны правительства, как оказалось, было очень легко представить ярким примером легкомысленной финансовой политики президента Харни.

«НАСА стоит Америке целого состояния, – писала Гэбриэл, приложив к справке анализ расходов, ссуд и дотаций. – Избиратели не имеют обо всем этом ни малейшего понятия. А узнав, они придут в ужас. Думаю, вы просто обязаны сделать вопрос о НАСА политическим аргументом».

Секстон едва не застонал от подобной наивности сотрудницы.

– Конечно! И одновременно с этим мне придется выступать против исполнения гимна страны на бейсбольных матчах.

Однако Гэбриэл оказалась настойчивой. В последующие недели она продолжала поставлять сенатору информацию о космическом агентстве. И чем больше Секстон углублялся в проблему, тем яснее видел, что эта девочка во многом права. Даже для правительственного агентства НАСА представляло собой страшно неудачный финансовый проект – оно оказалось дорогой громоздкой структурой, работало неэффективно, а в последние годы откровенно плохо.

Как-то раз Секстон давал интервью в прямом эфире относительно проблем в сфере образования. Журналист нажимал на сенатора, пытаясь узнать, где тот рассчитывает найти средства на обещанную реформу школ. В ответ сенатор решил полусхуять запустить теорию Гэбриэл Эш относительно НАСА.

– Деньги на образование? – притворно удивился он. – Ну, например, я наполовину сокращу космическую программу. Полагаю, что если космическое агентство может пускать пятнадцать миллиардов в год на ветер, я буду вправе потратить семь с половиной из них на детишек здесь, на земле.

За стеклом кабины звукорежиссера люди из команды сенатора, сопровождавшие его, лишь развели руками: настолько непродуманным и неосторожным показалось это замечание. Ведь бывали случаи, когда избирательные кампании рушились из-за менее лихих высказываний в адрес всемогущего департамента. Мгновенно ожили телефоны. Сотрудники Секстона растерянно переглядывались: сторонники покорения космического пространства пошли в атаку, чтобы прикончить врага.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное.

– Пятнадцать миллиардов в год? – недоверчиво уточнил первый из звонивших. – Я не ослышался? То есть вы хотите сказать, что класс, где учится мой сын, переполнен из-за того, что школы не могут нанять на работу достаточное количество учителей, в то время как НАСА тратит в год пятнадцать миллиардов на то, чтобы фотографировать звездную пыль?

– Ну да, примерно так, – уклончиво подтвердил Секстон.

– Но это же абсурд! А президент обладает достаточной властью, чтобы изменить это?

– Разумеется, – на сей раз уверенно ответил сенатор. – Президент имеет полное право наложить вето на бюджетную заявку любого ведомства, которое, по его мнению, требует слишком много средств.

– Тогда я отдаю свой голос вам, сенатор Секстон. Пятнадцать миллиардов на исследование космоса, тогда как дети не получают достойного образования. Просто невероятно! Желаю удачи, сэр. Надеюсь, у вас хватит выдержки пройти весь путь до победного конца.

В эфир вывели следующий звонок.

– Сенатор, я только что прочитал, что международная космическая станция, работающая под эгидой НАСА, получает колоссальные деньги, к тому же президент собирается усилить финансирование за счет резервного фонда, чтобы продлить сроки ее эксплуатации. Это правда?

Секстон получил именно тот вопрос, который и был ему нужен.

– Правда!

Он подробно объяснил, что космическая станция изначально задумывалась как совместное предприятие, стоимость которого делили бы между собой двенадцать стран. Но после того как началось строительство, бюджет станции неожиданно взлетел, выйдя из-под контроля. Поэтому многие страны отказались в нем участвовать. Однако президент США, вместо того чтобы отменить проект, решил возместить ущерб, тем самым покрыв и чужие расходы.

– Наша доля в финансировании международной космической станции возросла с восьми миллиардов долларов, как предполагалось изначально, до невероятной цифры в сто миллиардов!

Звонивший негодовал:

– Так почему же, дьявол побери, президент ввязался в такую чудовищную авантюру?

Секстон, имея он возможность, расцеловал бы его за это восклицание.

– Чертовски хороший вопрос. К сожалению, треть проекта уже летает в космосе, причем запущена станция тоже на ваши денежки. Так что закрытие проекта означало бы признание страшной ошибки, совершенной за счет налогоплательщиков.

Звонки не прекращались. Казалось, американцы только сейчас начали отчетливо сознавать, что НАСА для страны вовсе не стратегически необходимая структура, а всего лишь организация, ставящая перед собой довольно авантюрные задачи.

В итоге, кроме нескольких ярых приверженцев освоения космоса, затянувших старую песню насчет вечной и неизбывной тяги человечества к знаниям, все, кто был тогда в студии, сошлись в одном: Секстон обнаружил Святой Грааль успеха, «горячую клавишу» – еще никем не исследованный, болезненный вопрос, задевший избирателей за живое.

Результат не заставил себя ждать. Буквально за несколько недель Секстон обошел своих оппонентов в пяти первичных округах, особенно важных. Он тут же назначил Гэбриэл Эш личной ассистенткой. Это стало наградой за работу, которую проделала молодая женщина, чтобы довести до Секстона и избирателей информацию о положении дел в НАСА. Легким движением руки сенатор поднял никому не известную афроамериканку до уровня восходящей звезды политического небосклона и одновременно отмел все возможные обвинения в расизме и ущемлении прав женщин.

И вот сейчас, сидя напротив Гэбриэл в роскошном лимузине, Секстон понимал, что она вновь демонстрирует свою независимость. Та информация, которую раздобыла его ассистентка о состоявшейся на прошлой неделе секретной встрече между руководителем НАСА и президентом, определенно доказывала: космическое агентство ожидают новые трудности. Возможно, от финансирования проекта отказывается еще одна из стран-участниц.

В тот самый момент, когда автомобиль проезжал мимо памятника Джорджу Вашингтону, сенатор Секстон почувствовал, как судьба осеняет его своим крылом.

Глава 8

Несмотря на исключительно успешную карьеру, которая привела его в самый желанный из всех политических кабинетов мира, президент Закери Харни не мог похвастаться внешнею кинозвезды. Он был среднего роста, достаточно худощав, неширок в плечах. Веснушчатое лицо, очки с двойными стеклами, редкие темные волосы. Однако несмотря на скромную наружность, он пользовался необычайной, граничащей с поклонением любовью всех, кто его знал. Даже сложилась поговорка, уверяющая, что если тебе довелось хотя бы раз встретить Зака Харни, ты пойдешь за ним куда угодно.

– Очень рад, что вам удалось выбраться ко мне, – заговорил президент, протягивая Рейчел руку.

Его пожатие было теплым и искренне радушным.

Рейчел собралась с духом, едва найдя в себе силы для ответа.

– Встреча с вами, господин президент, огромная честь для меня.

Он ободряюще улыбнулся, и Рейчел мгновенно ощутила легендарное обаяние мистера Харни. Президент обладал приятной, располагающей манерой общения. Это больше всего ценили в нем карикатуристы. Каким бы искаженным ни получался шарж, он все равно передавал и теплую улыбку, и дружелюбное выражение лица. А в глазах всегда отражались искренность и чувство собственного достоинства.

– Если позволите, – сказал Харни, – то я предложу вам чашечку кофе.

– Благодарю, сэр.

Президент нажал кнопку связи и попросил принести кофе в кабинет.

Рейчел направилась по коридору самолета вслед за хозяином. Трудно было не отметить, что для человека, имеющего невысокий политический рейтинг, он выглядит вполне довольным и ничем не обремененным. Да и одет неофициально: синие джинсы, рубашка с открытым воротом, массивные тяжелые ботинки, как у туриста.

– Вы занимаетесь туризмом, господин президент? – спросила Рейчел, чтобы нарушить молчание.

– Да нет, на самом деле я вовсе этим не увлекаюсь. Просто мои имиджмейкеры решили, что теперь я должен выглядеть именно так. А как думаете вы?

Рейчел очень хотелось верить, что Харни просто шутит.

– Это придает вам очень... очень мужественный вид, сэр.

Лицо президента оставалось совершенно непроницаемым.

– Хорошо. Мы считаем, что этот образ поможет вернуть голоса женщин, которые отовоевал ваш отец. – Он продемонстрировал чарующую улыбку. – Мисс Секстон, не пугайтесь, я шучу. Мы ведь прекрасно понимаем: чтобы победить на выборах, потребуется нечто большее, чем синие джинсы и рубашка с распахнутым воротом.

Его добродушие и открытость моментально растопили лед, до этого момента сковывавший душу Рейчел. Если президенту и недоставало внушительности и импозантности, он с лихвой компенсировал это умением общаться и врожденным тактом. Дипломатичность – редкий, ценный дар, и Зак Харни обладал им в полной мере.

Рейчел шла вслед за президентом в хвостовой отсек. И чем глубже в святая святых они проникали, тем меньше интерьер напоминал салон самолета. Извилистый коридор, оклеенные обоями стены, даже спортивный зал с тренажерами и беговой дорожкой. Станным, однако, казалось отсутствие других людей.

– Вы путешествуете в одиночестве, господин президент?

Он покачал головой:

– Нет, но мы лишь недавно приземлились.

Рейчел удивилась. Приземлились? Значит, откуда-то прилетели? А у нее не было никакой информации о поездках президента. Ясно только, что авиабазу Уоллопс он использовал, когда хотел сохранить в тайне свое местопребывание.

– Персонал покинул самолет как раз перед вашим появлением, – пояснил Харни. – Скоро я отправлюсь обратно в Белый дом. Но мне хотелось встретиться с вами именно здесь, а не там, в официальном кабинете.

– Чтобы ошеломить и напугать?

– Напротив! Чтобы выказать вам уважение, мисс Секстон. Дело в том, что Белому дому очень не хватает конфиденциальности, а известие о встрече со мной может осложнить ваши отношения с отцом.

– Ценю вашу деликатность, сэр.

– Вам удастся сохранять дружеское семейное равновесие, хотя это и нелегко. Мне не хочется нарушать его своим вмешательством.

Рейчел невольно вспомнила недавнюю встречу с отцом за завтраком и решила, что ее трудно определить как «дружескую». И тем не менее Зак Харни совершил этот явно не запланированный перелет только ради того, чтобы проявить тактичность. А ведь вполне мог бы этого и не делать!

– Можно мне называть вас по имени, Рейчел? – поинтересовался президент.

– Конечно.

«Интересно, а могу ли я называть его Зак?» – мелькнула у Рейчел лукавая мысль.

– Ну, вот и мой кабинет, – пригласил хозяин, распахивая перед гостьей резную кленовую дверь.

Президентский кабинет на «Борту номер 1» ВВС казался гораздо уютнее того, которым первый человек страны располагал в своей официальной резиденции, в Белом доме. Однако и здесь в интерьере присутствовал налет излишней строгости и сдержанности. Огромный рабочий стол, заваленный бумагами; на стене картина, где была изображена поднявшая паруса классическая трехмачтовая шхуна. Парусник пытался уйти от надвигавшегося шторма. Яркая метафора, если иметь в виду текущий момент жизни президента.

Президент указал на один из трех достаточно скромных стульев, окружавших стол. Рейчел присела. Она ожидала, конечно, что хозяин сядет за стол, но вместо этого он подвинул один из стульев и расположился рядом.

Пытается держаться на равных, отметила она. Мастер дипломатии.

– Ну так вот, Рейчел, – наконец приступил к делу президент, устало вздохнув. – Мне почему-то кажется, что вас смущает мое неожиданное приглашение. Я не ошибаюсь?

Если какая-то напряженность и оставалась в душе гостьи, то после этих слов она исчезла.

– Честно говоря, сэр, я озадачена и растеряна.

Харни добродушно, покровительственно рассмеялся:

– Вот как! Не каждый день мне удается озадачить агента Национального разведывательного управления.

– Но согласитесь, ведь не каждый день агент Национального разведывательного управления является на «Борт номер 1» по личному приглашению президента, который встречает гостя в джинсах и спортивных ботинках.

Президент снова засмеялся.

Негромкий стук в дверь означал, что принесли кофе. Вошла стюардесса, держа в руках поднос, на котором стоял, выпуская тонкую струйку ароматного пара, оловянный кофейник, а рядом с ним две оловянные кружки. Президент кивнул, и девушка, опустив поднос на стол, моментально исчезла.

– Сливки, сахар? – предложил хозяин, поднимаясь, чтобы наполнить чашки.

– Сливки, если можно.

Рейчел с удовольствием вдохнула приятный аромат.

Неужели это не сон и президент Соединенных Штатов действительно наливает ей кофе?

Зак Харни передал гостю тяжелую горячую кружку.

– Настоящий «Поль Ревир», – пояснил он.

Рейчел попробовала кофе. Он оказался восхитительным. Такого вкусного кофе она не пробовала ни разу в жизни.

– Что ни говори, – заметил президент, наливая и себе, а потом удобнее устраиваясь на стуле, – время у меня ограничено, а потому давайте сразу приступим к делу. – Опустив в чашку кубик сахара, он взглянул на собеседницу: – Полагаю, Билл Пикеринг предупредил, что единственная цель моего приглашения связана с намерением, использовать вас в собственных политических интересах?

– Если честно, сэр, то примерно это он и сделал.

Президент усмехнулся:

– Циничен, как всегда. Не изменяет себе.

– Так, значит, он ошибается?

– Шутите? – Харни весело рассмеялся. – Разве Билл Пикеринг ошибся хотя бы раз в жизни? Он, как обычно, попал в «десятку».

Глава 9

Лимузин сенатора Секстона пробирался по запруженным улицам столицы Соединенных Штатов к зданию, в котором располагался его офис. Гэбриэл Эш рассеянно смотрела в окно. Она пыталась понять, какое чудо помогло ей взлететь на такую высоту. Личная ассистентка сенатора Седжвика Секстона. Ведь именно к этому она и стремилась, разве не так?

Вот она сидит в лимузине рядом с будущим президентом страны.

Гэбриэл взглянула на сенатора, сидящего в другом конце просторного, обитого замшей салона огромного автомобиля. Казалось, тот всецело погружен в собственные мысли. Трудно было не восхититься его красивой, даже величественной внешностью и изысканной манерой одеваться. Воистину он был рожден, чтобы стать президентом.

Впервые Гэбриэл увидела сенатора и услышала его выступление три года назад, будучи еще студенткой политехнического факультета Корнеллского университета. Невозможно забыть, как его пронзительный взгляд проникал в самую глубину зала, словно он обращался именно к ней.

«Верь мне», – казалось, без слов призывал он.

После окончания его речи Гэбриэл встала в очередь, чтобы поприветствовать гостя лично.

– Гэбриэл Эш, – прочитал сенатор на карточке, приколотой к отвороту жакета. – Прелестное имя для прелестной юной дамы.

Он смотрел на нее оценивающе и в то же время с одобрением.

– Благодарю вас, сэр, – вежливо ответила Гэбриэл. Рукопожатие сенатора было крепким, внимание искренним. – Ваше выступление произвело на меня глубокое впечатление.

– Рад это слышать! – Секстон дал ей визитную карточку. – Я веду постоянный поиск энергичных молодых людей, способных разделить мои воззрения. Когда закончите университет, свяжитесь со мной. Может случиться, что именно для вас найдется подходящее дело.

Гэбриэл открыла было рот, чтобы поблагодарить, но сенатор уже обратился к следующему в очереди. После этой встречи Гэбриэл неотступно следила за политической карьерой сенатора – читала о нем в газетах и смотрела телепередачи. Особенно восхищали его выступления против непомерных расходов правительства, яростная, цепкая критика увеличений бюджетных ассигнований, призывы к департаментам действовать более эффективно, урезая лишние административные траты, и даже требование отменить некоторые программы, касающиеся государственных служащих.

Позже, когда в автомобильной катастрофе погибла жена сенатора, Гэбриэл с каким-то священным трепетом наблюдала, как этот человек даже личное несчастье сумел обратить на пользу делу. Секстон нашел в себе силы подняться над собственной болью и объявил миру, что непременно будет баллотироваться в президенты и все свои достижения как политика посвятит памяти супруги. Именно тогда, в тот самый момент, Гэбриэл твердо решила, что будет работать с сенатором, помогая ему достичь поставленной цели.

И ей удалось оказаться рядом со своим кумиром – быть ближе просто невозможно.

Она вспомнила ночь, которую провела с сенатором в его шикарном офисе. Не слишком приятные воспоминания. Гэбриэл едва заметно поежилась.

Она ведь прекрасно знала, что не должна поддаваться искушению, но почему-то не нашла в себе достаточно сил, чтобы сопротивляться. Седжвик Секстон так долго оставался ее идеалом, воплощением мечты... и вдруг он захотел ее, подумать только!

Лимузин тряхнуло на какой-то неровности. Мысли ассистентки сенатора моментально вернулись к текущему моменту.

– С вами все в порядке? – Сенатор внимательно смотрел на нее.

Гэбриэл изобразила улыбку:

– Да, все отлично.

– Но вы же не думаете о вынюхивании, так ведь?

Гэбриэл пожала плечами:

– Я все еще немного беспокоюсь, это правда.

– Бросьте! Это самое лучшее из всего, что было в моей кампании.

Слово «вынюхивание», как на собственном горьком опыте узнала Гэбриэл, означало некий тайный процесс утечки информации, такой как, например, сообщения, что оппонент использует средства, повышающие эрекцию, или выписывает порнографический журнал для гомосексуалистов «Стад маффин».

«Вынюхивание» было грязным делом, но когда оно приносило плоды, эти плоды оказывались куда как хороши.

Но когда наступала расплата...

А расплата наступала. Для Белого дома. Примерно месяц назад участники избирательной команды президента, разочарованные и расстроенные его снижающимся рейтингом, решили пойти в атаку и запустить информацию, в правдивости которой не сомневались. Они утверждали, что сенатор Секстон состоит в сексуальной связи со своей личной ассистенткой Гэбриэл Эш. К сожалению, у Белого дома не нашлось прямых доказательств. А сенатор Секстон, твердо помня, что лучшая защита заключается в нападении, воспользовался моментом для ответного удара. Он, ни много ни мало, созвал национальную пресс-конференцию – чтобы возмущенно заявить о своей невинности.

– Не могу поверить, – говорил он, с болью глядя в объектив телекамеры, – что президент очернил память моей покойной жены подобной циничной ложью.

Выступление сенатора по телевидению оказалось настолько убедительным, что Гэбриэл и сама почти поверила ему. Видя, с какой легкостью лжет этот человек, она не могла не осознать с абсолютной ясностью, насколько опасен сенатор Седжвик Секстон.

Хотя Гэбриэл не сомневалась в том, что поставила на самую сильную лошадь в нынешних скачках, в последнее время она все чаще спрашивала себя: действительно ли эта лошадь лучше и достойнее остальных? Работа рядом с сенатором открыла ей глаза на многое, подобно экскурсии в недра киностудии, где детское восхищение чудесами экрана моментально омрачается пониманием того факта, что Голливуд на самом деле вовсе не приют волшебников и магов.

Хотя вера Гэбриэл в идеи, которые проповедовал Секстон, и не поколебалась, она начала задаваться вопросом о праведности самого проповедника.

Глава 10

– То, что я собираюсь вам сейчас сказать, Рейчел, – приступил к делу президент, – классифицируется как фантом и выходит далеко за рамки дозволенного вашей службой безопасности.

Агент Секстон почувствовала, как стены «Борта номер 1» начинают давить на нее. Президент вызвал ее в Уоллопс, пригласил на борт своего самолета, угостил вкуснейшим кофе, прямо заявил, что намерен использовать гостью как политическое оружие против ее же собственного отца, а теперь еще решил сообщить какую-то секретную информацию. Каким бы обаятельным, милым и симпатичным Зак Харни ни казался на первый взгляд, Рейчел Секстон видела сейчас только одно: этот человек слишком быстр и напорист, чтобы упустить из рук власть.

– Две недели назад, – продолжал президент, не отводя внимательного взгляда от лица собеседницы, – НАСА совершило открытие.

Слова повисли в воздухе, Харни словно дожидался, когда Рейчел их полностью воспримет. Открытие НАСА? Новейшие данные разведки не сообщали ни о чем экстраординарном, что происходило бы в космическом агентстве. К тому же в последнее время слова «открытие НАСА» значили, как правило, то, что в агентстве осознали, насколько плохо финансируется тот или иной проект.

– Прежде чем продолжить беседу, мне хотелось бы узнать, в какой мере вы разделяете цинизм отца по отношению к исследованию космоса.

Рейчел чрезвычайно не понравилось это замечание, сделанное словно вскользь.

– Позволю себе выразить надежду, что вы пригласили меня сюда вовсе не для того, чтобы попросить контролировать выпады сенатора Секстона против НАСА.

Президент рассмеялся:

– Черт возьми, конечно, нет! Я нахожусь неподалеку от сената и тех, кто там заседает, уже достаточно долго и в состоянии понять, что мистера Секстона не в силах контролировать никто.

– Мой отец – представитель оппозиции, сэр. Впрочем, в этом качестве выступает большинство удачливых политиков. И к сожалению, НАСА само превратило себя в удобную мишень.

Цепь недавних ошибок, совершенных космическим агентством, была настолько длинной, что оставалось лишь смеяться или плакать: спутники разваливались прямо на орбите, космические зонды оказывались не в состоянии передавать полученные данные на Землю, бюджет космической станции подскочил в десять раз, а страны, участвовавшие в этом международном проекте, словно крысы, покидали тонущий корабль... Потеряны миллиарды, и сенатор Секстон неумолимо фиксировал каждый провал, чтобы вскоре оказаться на Пенсильвания-авеню, в доме номер 1600.

– Признаюсь, – продолжал президент, – в последнее время неудачи преследуют НАСА. Стоит мне только отвернуться, как эти ребята подкидывают очередной повод, чтобы сократить финансирование.

Рейчел почувствовала точку опоры и моментально этим воспользовалась:

– И все же, сэр, совсем недавно я читала, что на прошлой неделе вы отстегнули этим самым ребятам еще три миллиона на непредвиденные расходы.

Президент хмыкнул:

– Вашему отцу это понравилось, верно?

– Почти так же, как если бы кто-то вложил оружие в руки вашего палача.

– А вы не слышали его выступление в программе «Ночной разговор»? «Космос для Зака Харни, – сказал он, – все равно что зелье для наркомана, а налогоплательщики оплачивают его пагубное пристрастие».

– Но ведь вы даете повод для подобных выводов, сэр.

Харни кивнул:

– Верно, я не делаю секрета из своей приверженности интересам НАСА. Всегда очень ценил космическую отрасль. Я – ребенок космической эпохи: спутник, Джон Гленн, «Аполлон-11». Поэтому и не стесняюсь выражать свое восхищение и гордость по отношению к космическим программам. Уверен, что люди, работающие в космонавтике, создают историю. Они берутся за невозможное, стоически переносят неудачи, чтобы начать все заново – в то самое время, когда большинство предпочитает стоять в стороне и критиковать.

Рейчел молчала, ощущая, как под маской спокойствия в душе президента кипит яростное негодование по поводу риторики сенатора Секстона. Но она никак не могла понять, какое же открытие совершило НАСА. А президент явно не спешил приступать к сути вопроса.

– Сегодня, – произнес Харни с особой силой, – я намерен коренным образом изменить ваше мнение о космическом агентстве.

Рейчел озадаченно посмотрела на него:

– Мой голос и так принадлежит вам, сэр. Так что вы можете не тратить на меня усилий, а сосредоточиться на других избирателях.

– Конечно. – Президент сделал еще один глоток кофе и улыбнулся. – Но вас я собираюсь попросить о помощи. – Он склонился к госте: – Причем самым необычным способом.

Рейчел чувствовала, что Харни пристально следит за каждым ее движением, словно охотник, пытающийся угадать намерения жертвы – что она будет делать: убегать или бороться? Но бежать было некуда.

– Полагаю, – наконец заговорил президент, вновь наполняя кружки, – вы слышали о проекте НАСА, носящем название СНЗ?

Она кивнула:

– «Система наблюдения за Землей». Мне кажется, отец пару раз упоминал об этом.

Президент уловил в ее ответе нотку сарказма и нахмурился. На самом деле отец Рейчел упоминал «Систему наблюдения за Землей» при малейшей возможности. Этот проект оставался одним из самых спорных начинаний космического ведомства. Он предусматривал вывод на орбиту пяти спутников, которые, изучая Землю, анализировали бы экологию планеты: истощение озонового слоя, таяние полярных льдов, глобальное потепление, исчезновение тропических лесов. Подобное наблюдение было необходимо для получения из космоса всесторонних данных и разработки на их основе глобального прогноза будущего Земли.

К сожалению, проект оказался далеко не безупречным: в его алгоритм вкралась серьезная погрешность. Как и многие программы НАСА последнего времени, эта с самого начала потребовала серьезного перерасхода средств. А Зак Харни, как всегда, принимал удары на себя. Он использовал поддержку экологического лобби, чтобы протолкнуть в конгрессе этот проект стоимостью полтора миллиарда долларов. Однако вместо того чтобы внести обещанный вклад в мировую науку о Земле, проект очень быстро превратился в сплошной кошмар: неудачные запуски спутников, компьютерные сбои, мрачные пресс-конференции представителей космического агентства. А с лица сенатора Секстона не сходила победная улыбка. Он не забывал регулярно напоминать избирателям, какую именно сумму президент потратил на очередную безумную затею и насколько мизерными оказались полученные результаты.

Президент помешал кофе ложечкой.

– Как бы удивительно это ни звучало, открытие, о котором я говорю, сделано именно в рамках проекта СНЗ.

Рейчел почувствовала растерянность. Если программа СНЗ оказалась успешной, то почему НАСА вопреки собственным принципам не объявило о нем? Отец буквально топтал этот неуклюжий и бесполезный проект в прессе, а космическое агентство со своей стороны старалось использовать для зарабатывания очков малейшую возможность, даже тень успеха.

– Но я ничего не слышала об открытиях, совершенных СНЗ, – откровенно призналась она.

– Знаю. НАСА предпочитает пока хранить эту отличную новость в секрете.

Рейчел позволила себе усомниться:

– Мой опыт подсказывает, сэр, что когда дело касается НАСА, то отсутствие новостей, как правило, само по себе оказывается плохой новостью. Сдержанность никогда не считалась сильной стороной специалистов по связям с общественностью, работающих на космическое ведомство. В НРУ шутят, что это ведомство созывает пресс-конференцию каждый раз, когда кто-нибудь из сотрудников сделал хоть что-то, например испортил воздух.

Президент нахмурился:

– Ах да. Я совсем забыл, что имею дело с ученицей Пикеринга по курсу «Национальная безопасность». Что, он все еще стонет и вздыхает по поводу болтливости НАСА?

– Безопасность – его работа, сэр. Он относится к ней очень серьезно.

– И правильно делает. С трудом верится, что два столь солидных ведомства постоянно из-за чего-то грызутся.

Рейчел еще в самом начале службы под крылышком Пикеринга поняла, что хотя и НАСА, и НРУ имеют дело с космосом, философия их разительно отличается. НРУ представляло собой оборонное ведомство и потому хранило в строжайшем секрете все свои действия, в то время как НАСА склонялось в сторону науки и стремилось оповестить весь мир о собственных достижениях – часто, как не без основания утверждал Уильям Пикеринг, ставя под угрозу национальную безопасность. Некоторые передовые технологии, разработанные НАСА – например, линзы высокого разрешения для спутниковых телескопов, системы дальней связи, радиолокационные приборы, – с пугающей частотой появлялись в арсеналах разведывательного оборудования других, враждебных стран и помогали, попросту говоря, шпионить против Соединенных Штатов. Билл Пикеринг не переставал ворчать, что специалисты НАСА могут похвастаться умными головами и длинными языками.

Однако самым большим вопросом в отношениях двух ведомств оставался тот факт, что поскольку НАСА осуществляло запуск спутников по заказу НРУ, многие недавние неудачи также непосредственно касались именно разведки. Но конечно, самым драматичным из всех провалов оказалась катастрофа 12 августа 1998 года. В этот день ракета «Титан», принадлежавшая сразу двум хозяевам, взорвалась через сорок секунд после запуска. Был уничтожен ценнейший, стоимостью в 1,2 миллиарда долларов, груз – спутник под кодовым названием «Вортекс-2». Пикеринг никак не мог простить партнерам этой неудачи.

– И все-таки почему НАСА так упорно молчит относительно недавнего успеха? – бросила вызов Рейчел. – Хорошие новости лучше запускать в оборот немедленно, получая от этого дивиденды.

– НАСА хранит молчание, – с долей торжества в голосе сообщил президент, – потому что так приказал я.

Рейчел с трудом верила собственным ушам. Если это правда, то президент, несомненно, совершает своего рода политическое харакири, объяснить которое невозможно.

– Это открытие, – пояснил президент, – определенно является... ну, скажем так, эпохальным и приведет к поразительным переменам.

Рейчел ощутила неприятный, пугающий холод. В мире разведки «поразительные перемены» редко означали что-нибудь хорошее, а тем более редко сулили приятные известия. Сей-

час ей хотелось понять, была ли вся эта секретность следствием того, что спутниковая система заметила какую-то экологическую катастрофу, сулящую крупные неприятности.

– Возникла какая-то проблема?

– Совершенно никаких проблем. То, что обнаружила СНЗ, просто удивительно.

Рейчел молчала.

– Представьте на минутку, – начал объяснять президент, – будто я сообщил вам о том, что НАСА совершило открытие огромной научной важности... потрясающей значимости... и это открытие моментально оправдало каждый доллар, потраченный американцами на исследование космического пространства.

Рейчел почему-то не удавалось вообразить подобное.

Президент поднялся:

– Разрешите пригласить вас на небольшую прогулку?

Глава 11

Рейчел Секстон молча последовала за президентом Харни. Они вышли на сияющий трап «Борта номер 1». Спускаясь по ступеням, гостья почувствовала, как холодный мартовский воздух освежает голову, возвращая ясность мышления. Теперь отчетливее стали видны необоснованность и фантастичность заявления президента.

НАСА совершило открытие огромной научной важности и потрясающей значимости, моментально оправдав каждый доллар, потраченный американцами на исследование космического пространства, мысленно повторила Рейчел только что услышанное.

Можно предположить лишь одно-единственное: открытие такого масштаба означает, что найден Святой Грааль космического ведомства, то есть обнаружена жизнь вне Земли. Но Рейчел достаточно хорошо была знакома с этой областью исследований, чтобы ни на секунду не поверить в подобное предположение.

Работая аналитиком секретной информации, Рейчел уже привыкла постоянно отвечать на вопросы знакомых, желавших знать, каким именно образом правительство осуществляет контакты с инопланетянами. Теории, на которые «покупались» эти люди, мнившие себя просвещенными – в частности, рассказы о потерпевших крушение летающих тарелках, спрятанных в секретных бункерах, о трупах инопланетян, хранящихся в холодильниках, о похищенных пришельцами для разных опытов землянах, – все эти бредни вызывали у нее лишь отвращение.

Разумеется, все это абсурд. Никаких инопланетян. Никаких секретных контактов.

Люди, имеющие отношение к разведслужбам, отлично знали, что подавляющее большинство случаев «встреч с инопланетянами», похищений и тому подобной чепухи на проверку оказывалось чистой воды враньем – порождением чересчур активного воображения или, что еще хуже, сочинениями шарлатанов, зарабатывающих на своих вымыслах немалые деньги. Когда вдруг появлялась фотография НЛО, выяснялось, что сделана она возле одной из военно-воздушных баз США, которая по странному совпадению именно в это время проводила испытания новейших секретных разработок. Когда компания «Локхид» начала воздушные испытания принципиально нового реактивного самолета, получившего название «Стелс», количество НЛО, замеченных в районе военно-воздушной базы Эдвардс, тут же возросло в пятнадцать раз.

Президент искоса взглянул на гостью.

– У вас на лице написан явный скептицизм, – заметил он.

Звук его голоса заставил Рейчел вздрогнуть. Она посмотрела на Харни, не зная, что ответить.

– Ну... – заколебалась она, – могу ли я предположить, сэр, что речь идет не об инопланетных космических кораблях и не о маленьких зеленых человечках?

Похоже, слова ее позабавили президента.

– Мисс Секстон, я уверен, что это открытие покажется вам куда более интригующим и занятным, чем научно-фантастический фильм.

Рейчел с облегчением подумала, что НАСА еще не опустилось до того, чтобы начать подсовывать первому лицу государства детские сказки. И тем не менее все его замечания лишь усугубляли таинственность происходящего.

– Ну хорошо, – наконец произнесла она, – что бы там ни обнаружило НАСА, время для открытия выбрано просто гениально.

Харни остановился на трапе.

– Гениально? Что вы хотите этим сказать?

– Что хочу сказать? – Рейчел тоже остановилась и внимательно взглянула на собеседника. – Господин президент, НАСА сейчас ведет отчаянную борьбу за выживание, а на вас со всех сторон нападают за то, что вы продолжаете финансировать агентство. В этой ситуации

любой серьезный прорыв НАСА оказался бы спасением и для самого космического ведомства, и для вашей избирательной кампании. Все ваши критики наверняка отметят, что это очень своевременное открытие весьма и весьма подозрительно.

– Так, значит... Кем вы меня считаете – лжецом или круглым дураком?

Рейчел смутилась. В горле внезапно пересохло.

– Я вовсе не имела в виду вас, господин президент. Я просто...

– Расслабьтесь. – Едва заметная усмешка искривила губы президента. Он снова стал спускаться по ступеням. – Когда директор космического ведомства рассказал мне об этом открытии, я сначала решительно отверг его как совершенно абсурдное. Обвинил человека в том, что он замышляет самую неудачную политическую фальсификацию в истории.

Рейчел почувствовала себя немного лучше.

Внизу, у основания трапа, Харни остановился, взглянув на спутницу.

– Одна из причин, по которой я просил людей из НАСА не обнародовать открытие, – это их же собственная безопасность. По своему масштабу оно превосходит все, что когда-либо выходило из-под крыла НАСА. Даже высадка людей на Луне покажется по сравнению с ним очень незначительным событием. Каждому из нас, включая меня самого, есть что приобретать – и что терять! – поэтому я решил, что куда благоразумнее сначала перепроверить данные НАСА и лишь после этого выступить перед всеми с официальным объявлением.

Рейчел не верила собственным ушам.

– Но вы же не хотите сказать, сэр, что рассчитываете на меня?

Президент рассмеялся:

– Конечно, нет! Это совсем не ваша область. А кроме того, я уже получил подтверждение по неправительственным каналам.

Рейчел, вздохнувшая было свободно, вновь насторожилась:

– Неправительственные, сэр? То есть вы имеете в виду, что пользовались услугами частного сектора?

Президент кивнул:

– Я собрал комиссию из четырех независимых ученых – людей, не имеющих отношения к НАСА. У них нет ни мировых имен, ни репутации непогрешимых экспертов, которую необходимо защищать. Для наблюдений они использовали собственное оборудование, и выводы их должны быть объективными и беспристрастными. В течение последних двух суток эти ученые полностью подтвердили открытие НАСА, не оставив и тени сомнения.

Рейчел не смогла не уступить такому натиску. Президент защищался с апломбом, вполне характерным для него. Он нанял команду квалифицированных скептиков, совершенно посторонних людей, которым подтверждение открытия НАСА не давало ровным счетом никакой выгоды. Этим Харни надежно оградил себя от нападков и подозрений относительно отчаянного шага НАСА, будто бы предпринятого для того, чтобы хоть как-то оправдать раздутый бюджет, поддержать лояльно настроенного к агентству президента и отразить атаки сенатора Секстона.

– Сегодня вечером, в восемь часов, я соберу в Белом доме пресс-конференцию для того, чтобы объявить миру результаты удивительного открытия НАСА.

Рейчел чувствовала себя подавленно. Ведь до сих пор Харни ничего не сказал ей о сути дела.

– Что же это, в конце концов, за потрясающее открытие?

Президент улыбнулся:

– Сегодня вы поймете, что терпение – истинная добродетель. Вы непременно должны увидеть все собственными глазами. Прежде чем продолжится наша экскурсия, постарайтесь полностью осознать ситуацию. Администратор НАСА готов к встрече с вами. Он расскажет все, что вам необходимо знать. Ну а уж потом мы обсудим вашу роль в этом деле.

Во взгляде президента сквозило предвкушение грядущего триумфа. Рейчел невольно вспомнила слова Пикеринга о том, что Белый дом что-то скрывает. Похоже, он, как всегда, прав.

Харни показал в сторону ближайшего самолетного ангара:

– Следуйте за мной.

Рейчел растерянно подчинилась. Возвышавшееся перед ними строение не имело окон, а огромные ворота были заперты. Но можно было войти через маленькую боковую дверь, распахнутую настежь. В нескольких футах от нее президент остановился.

– Все, дальше вам придется идти одной.

Рейчел колебалась.

– Вы оставляете меня?

– Мне необходимо вернуться в Белый дом. Скоро я свяжусь с вами. Сотовый телефон у вас есть?

– Разумеется, сэр.

– Дайте-ка его мне.

Рейчел достала из сумки телефон и передала президенту, полагая, что тот собирается набрать на нем номер для связи. Но вместо этого он положил телефон в карман.

– Ну вот, теперь вы вне досягаемости, – заметил он, – и с работы вам уже не позвонят. А главное, сегодня вам не удастся ни с кем связаться без моего личного на то разрешения. Или без разрешения администратора НАСА. Понимаете?

Рейчел пристально смотрела на президента. Она не могла поверить, что он украл ее сотовый!

– После того как администратор разъяснит вам суть открытия, по секретным каналам он свяжет нас с вами. Тогда и поговорим. Желаю удачи!

Рейчел окинула взглядом огромный ангар, крошечную дверь и поежилась.

Президент Харни положил ей на плечо руку, словно желая успокоить, и кивнул в сторону двери.

– Уверяю вас, Рейчел, вы не пожалеете о том, что помогли мне.

После этого, ни разу не оглянувшись на нее, Харни сел в ожидавший его неподалеку автомобиль и уехал.

Глава 12

В полном одиночестве Рейчел Секстон стояла у входа в огромный ангар авиабазы Уоллопс, стараясь разглядеть в темноте его чрева хоть что-нибудь. Однако сразу за порогом начался абсолютный мрак. Она чувствовала себя так, словно перед ней открылись двери иного мира. Тьма, похожая на пещерную, обдавала прохладой; казалось, она рождает порывы странного колючего ветра, словно здание дышало.

– Эй! – позвала Рейчел дрожащим голосом.

Молчание.

Все больше волнуясь, Рейчел переступила через порог. На мгновение ее накрыл мрак, пришлось остановиться, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

– Мисс Секстон, полагаю? – раздался в нескольких ярдах от нее мужской голос.

Рейчел едва не подпрыгнула, резко обернувшись на звук.

– Да, сэр.

Из тьмы показалась неясная приближающаяся фигура.

Постепенно глаза Рейчел обрели способность видеть, и она обнаружила, что стоит лицом к лицу с молодым, уверенным в себе, полным энергии и силы самцом. Летный костюм с множеством карманов и кармашков не мог скрыть его мускулистого тела с широкими плечами и мощным торсом.

– Капитан Уэйн Ласигейн, – представился мужчина. – Извините, если напугал, мисс. Здесь темновато. Я еще не успел открыть ворота. – Прежде чем Рейчел успела ответить, он продолжил: – Сочту за честь быть сегодня вашим пилотом и гидом.

– Пилотом? – удивилась Рейчел. – У меня сегодня уже был один пилот. Я ожидала увидеть администратора.

– Так точно, мисс. Мне приказано немедленно доставить вас к нему.

Для того чтобы осознать сказанное, ей потребовалось некоторое время. Судя по всему, странствия на сегодня еще не закончились.

– Так все-таки где же администратор? – уже настороженно поинтересовалась Рейчел.

– Не обладаю такой информацией, мисс, – сдержанно ответил пилот. – Его координаты будут сообщены мне, когда мы окажемся на борту.

Рейчел не сомневалась, что Ласигейн говорит правду. Очевидно, директор Пикеринг и она сама отнюдь не единственные люди, которых сегодня решили держать в неведении. Президент очень серьезно относился к вопросам безопасности, и Рейчел не могла не оценить ловкость, с какой он лишил ее связи с миром.

Полчаса в вертолете, и она уже отрезана от всех и от всего. А главное, Пикеринг и понятия не имеет, где ее искать.

Стоя лицом к лицу с пилотом НАСА, Рейчел размышляла о том, что все ее сегодняшние перемещения предопределены заранее. Хочется ей того или нет, она все равно окажется в воздухе с этим типом голливудской внешности. Вопрос лишь в том, куда ее помчат дальше.

Пилот подошел к стене и нажал какую-то кнопку. В дальнем конце ангара начали медленно раздвигаться створки. Свет с улицы показался необыкновенно ярким, четко обрисовав контуры стоящего посреди громоздкого предмета.

От изумления Рейчел едва не вскрикнула. Боже!

Перед ней стоял устрашающего вида черный истребитель. Такого совершенного, внушающего трепет творения рук человеческих Рейчел не видела за всю свою жизнь.

– Господи!.. Что это? – едва шевеля губами, пробормотала она.

– Ваша реакция понятна, мисс. Это «Эф-14», «Томкэт», как мы его называем... вполне надежная и проверенная машина, можете не сомневаться.

«Но это же ракета с крыльями!» – пронеслось в голове у Рейчел, потрясенной зрелищем. Пилот подвел Рейчел к машине. Кивнул в сторону двойной кабины:

– Вы сядете сзади.

– Правда? – Она натянуто улыбнулась. – Вы действительно хотите меня немножко покатасть?

Поверх своей одежды она натянула летный комбинезон и забралась в кабину. Довольно неуклюже втиснулась в узкое кресло.

– Да уж, пилоты НАСА явно не отличаются широкими бедрами, – заметила она.

Ласигейн, пристегивая пассажирку, лишь ухмыльнулся. Потом ловко надел ей на голову шлем.

– Полетим довольно высоко, – пояснил он, – потребуется кислород.

Он вытащил из ящика кислородную маску и начал надевать ее поверх шлема.

– Я и сама могу! – Рейчел протянула руку.

– Конечно, мисс.

Немного помучившись с непривычной конструкцией, она все-таки приспособила ее на шлем. Маска оказалась жутко неудобной и громоздкой.

Пилот внимательно следил за ней. На лице его появился интерес.

– Что-то не так? – с вызовом поинтересовалась пассажирка.

– Нет, мисс, – ухмыльнулся он, – все в порядке. Пакеты под сиденьем. В первый раз почти всем становится плохо.

– Со мной ничего не случится, – заверила Рейчел глухим из-за маски голосом. – Меня никогда не укачивает.

Пилот лишь пожал плечами.

– Моряки говорят то же самое, – спокойно возразил он, – а потом мне приходится убирать за ними.

Рейчел слабо кивнула. Прелестно!

– Есть вопросы до того, как поднимемся в воздух?

На мгновение задумавшись, она постучала по врезавшейся в подбородок маске:

– Она сдавливает мне лицо. Как вы терпите эти штуки в долгих полетах?

Пилот снисходительно улыбнулся:

– Мы просто не надеваем их вверх ногами.

Самолет, ревя двигателями, словно в нетерпении рвался вперед. Рейчел чувствовала себя так, будто сидела в снаряде, ожидая, когда нажмут на гашетку. Но вот пилот сдвинул рычаг газа, хвостовые двигатели, два «Локхид-345», заработали, дождавшись своей очереди, и весь мир задрожал. Рейчел моментально прилипла к спинке сиденья. Истребитель рванул по взлетной полосе и уже через несколько секунд оказался в воздухе. Земля удалялась с головокружительной скоростью. Самолет, возомнив себя ракетой, почти в вертикальном положении набирал высоту. Рейчел закрыла глаза. Не был ли весь сегодняшний день ошибкой? Чьей-то шуткой, розыгрышем? Она ведь должна сидеть сейчас за столом и писать синопсисы. А вместо этого уносится в небо взбесившейся торпедой и дышит через кислородную маску.

К тому времени как «Томкэт» на высоте сорока пяти тысяч футов перешел в горизонтальный полет, его пассажирка из последних сил боролась с тошнотой. Пыталась заставить себя сосредоточиться на чем-то постороннем. Взглянула вниз, на океан, и неожиданно ощутила себя безнадежно оторванной от дома.

Пилот, сидящий перед ней, разговаривал с кем-то по рации. Закончив, он неожиданно резко дернул какую-то ручку. Сразу же положение машины изменилось на почти вертикальное, и Рейчел почувствовала, как желудок ее совершил кульбит. Но самолет скоро снова выровнялся.

Рейчел застонала.

– Вы не могли бы предупреждать?

– Прошу прощения, мисс, мне только что сообщили, куда именно я должен доставить вас.

– Сейчас отгадаю, – предложила она. – Нам на север?

Казалось, пилот растерялся.

– Откуда вам это известно?

Рейчел вздохнула. Ох уж эти асы, обученные на компьютерных тренажерах!

– Сейчас девять утра, солнце справа, а значит, мы летим на север.

Ответом ей было долгое молчание.

– Да, мисс, вы правы, – наконец собрался с духом летчик, – нам предстоит путешествие на север.

– И как далеко нам предстоит путешествовать?

Пилот сверил координаты.

– Приблизительно три тысячи миль.

Рейчел резко выпрямилась:

– Что?! – Она попыталась представить карту, но не смогла вообразить такое огромное расстояние. – Четыре часа полета!..

– При такой скорости, как сейчас, – да, – невозмутимо согласился пилот. – Пожалуйста, держитесь.

Прежде чем Рейчел смогла как-то прореагировать, крылья самолета изменили форму. Через мгновение она ощутила, как ее опять с силой вжало в сиденье. Самолет настолько мощно рванулся вперед, что стало казаться, будто до этого он стоял на месте. А еще через минуту они мчались со скоростью почти полторы тысячи миль в час.

Рейчел стало совсем плохо. Облака проносились мимо с чудовищной скоростью. Волнами накатывала мучительная тошнота. В голове прозвучал отголосок слов президента: «Уверяю вас, Рейчел, вы не пожалеете о том, что помогли мне...»

Громко застонав, она пошарила рукой под сиденьем. Никогда не доверяй политикам!

Глава 13

Сенатор Секстон терпеть не мог такси за их плебейскую грязь. Однако по дороге к славе порой приходится терпеть и неудобства.

Обшарпанный драндулет довез его до нижнего гаража отеля. В подобном способе передвижения было нечто, чего не мог дать роскошный лимузин, а именно анонимность.

Приятно было видеть, что нижний гараж совершенно пуст. Лишь несколько пыльных машин разнообразили монотонность цементного леса колонн. Сенатор прошел через гараж по диагонали, на ходу машинально взглянув на часы.

Четверть двенадцатого. Точь-в-точь.

Человек, с которым Секстону предстояло встретиться, всегда делал акцент на пунктуальность. Впрочем, учитывая все обстоятельства, в частности, то, кого именно он представлял, он имел полное право делать акцент на чем угодно.

Секстон увидел белый фургончик «форд-уиндстар», припаркованный в том же месте, что и во время их прошлых встреч, – в восточном углу гаража, позади мусорных баков. Секстон предпочел бы встретиться где-нибудь повыше, например, в апартаментах отеля, но предосторожности, конечно, были полностью оправданы. Те, кого представлял этот человек, взлетели так высоко отнюдь не с помощью безоглядной лихости.

Секстон направился к фургону, ощущая знакомое волнение, всегда подступающее в подобные моменты, за минуту до встречи. Заставив себя распрямить плечи, жизнерадостно улыбнувшись и приветливо взмахнув рукой, он забрался на пассажирское сиденье. Темноволосый джентльмен на водительском месте не потрудился улыбнуться в ответ. Ему было почти семьдесят, однако смуглое, с жестким выражением лицо излучало силу, вполне подобающую той должности, которую он занимал, – главы целой армии отчаянных фантазеров и бесшабашных авантюристов.

– Закройте дверь, – холодно приказал он.

Секстон подчинился, благосклонно снося грубость партнера. В конце концов, этот невежда представлял тех, кто ворочает огромными деньгами, значительная часть которых недавно перетекла в водоемы, что питали успех сенатора, поставив его на порог самого желанного и многообещающего кабинета в мире. Секстон начал понимать, что цель этих встреч – не столько уточнять и координировать его стратегию, сколько регулярно напоминать ему, в какой мере он обязан благодетелям своим успехом. Да, эти люди ожидали от своих вложений серьезных дивидендов. Та «отдача», о которой они сразу условились, поражала своей дерзостью. И все же, хотя это и кажется невероятным, если бы сенатору удалось попасть в Овальный кабинет, он смог бы выполнить их требования.

– Насколько я понимаю, – заговорил Секстон, зная, что связной не любит ходить вокруг да около, – очередной взнос уже сделан?

– Именно. Как обычно, вы можете свободно использовать эти деньги в целях избирательной кампании. Нам было приятно узнать, что общественное мнение заметно сдвинулось в вашу сторону. Похоже, ваши менеджеры умело использовали средства.

– Да, мы быстро набираем очки.

– Я по телефону уже сказал, – продолжал старик, – что убедил еще шестерых встретиться с вами сегодня вечером.

– Отлично.

Секстон мысленно назначил для этого время.

Старик протянул ему папку:

– Вот информация. Изучите ее. Они хотят быть уверены, что вы полностью осознаете их проблемы. И хотят знать о вашей готовности помочь. Я предлагаю встретиться с ними у вас дома.

– Дома? Но обычно я встречаюсь...

– Сенатор, эти шесть человек управляют компаниями, активы которых намного превосходят все, что вы имели до сих пор. Эти люди – очень крупная рыба, и они очень осторожны. Мне стоило немалых трудов убедить их встретиться с вами. Не забудьте, к ним потребуется особый подход. Персональное внимание к каждому.

Секстон согласно кивнул:

– Я все понял. И могу организовать встречу дома.

– Им потребуется полная секретность.

– То же самое необходимо и мне.

– Удачи, – пожелал старик. – Если сегодня вечером все пройдет гладко, встреча может оказаться последней. Будьте уверены, эти люди в состоянии обеспечить все необходимое, чтобы поднять сенатора Секстона на самую вершину.

Сенатору эти слова понравились. Он улыбнулся старику:

– Если удача окажется на нашей стороне, друг мой, то после выборов мы все будем праздновать победу.

– Победу? – Старик нахмурился, окинув Секстона осуждающим взглядом. – Нет уж! Место в Белом доме – лишь первый шаг на пути к победе, сенатор. Надеюсь, вы это не забудете.

Глава 14

Белый дом – одна из самых маленьких президентских резиденций в мире. Ее длина сто семьдесят футов, ширина восемьдесят футов, а площадь лишь восемнадцать акров ухоженной земли. План дома создал архитектор Джеймс Хобан. Конечно, замысел не отличался оригинальностью, однако был выбран в открытом конкурсе дизайнерских проектов специальной комиссией, оценившей его как «привлекательный, достойный и гибкий». Здание являло собой похожее на ящик сооружение с ребристой крышей, балюстрадой и украшенным колоннами парадным входом.

Президент Зак Харни провел в Белом доме уже три с половиной года, однако редко чувствовал себя здесь уютно. Его стесняло и смущало это собрание канделябров и других старинных вещей, охраняемое вооруженными морскими пехотинцами. Но сейчас, шагая в сторону Западного крыла, Зак ощущал странный подъем и легкость, а ноги сами несли его по мягкому толстому ковру.

Несколько служащих Белого дома при его приближении оторвались от своих дел. Харни махал рукой и приветствовал каждого по имени. Ответные приветствия звучали хотя и вежливо, но достаточно сухо, а улыбки выглядели искусственными.

- Доброе утро, господин президент.
- Приятно видеть вас, господин президент.
- Добрый день, сэр.

Направляясь в кабинет, президент ощущал у себя за спиной переглядывания и перешептывания. В Белом доме назревал мятеж. В течение последних недель разочарованность в доме номер 1600 по Пенсильвания-авеню выросла до такой степени, что Харни чувствовал себя почти капитаном Блаем: он словно командовал кораблем, который готовился к бунту.

Президент не винил их. Его люди трудились на протяжении долгих, тяжелых дней и недель, чтобы принести ему победу на предстоящих выборах, и вот сейчас, совершенно внезапно, их лидер словно потерял ко всему интерес.

«Скоро они все поймут, – попытался успокоить себя Харни, – скоро я вновь окажусь героем».

Ему было неприятно так долго держать собственных сотрудников в неведении, но секретность в этом деле казалась жизненно необходимой. Стены Белого дома были слишком ненадежным препятствием для распространения секретов.

Харни вошел в приемную Овального кабинета и приветливо кивнул секретарше:

- Вы сегодня очаровательно выглядите, Долорес.
- И вы тоже в прекрасной форме, сэр, – вежливо ответила та, неодобрительно оглядывая облачение президента.

Харни понизил голос:

- Попрошу вас организовать мне одну встречу.
- С кем, сэр?
- Со всеми сотрудниками Белого дома.

Секретарша удивилась:

- Со всеми вашими сотрудниками, сэр? Со всеми ста сорока семью сотрудниками?
- Именно так.

Долорес выглядела смущенной.

- Хорошо. А где их собрать? В зале для пресс-конференций?

Харни отрицательно покачал головой:

- Нет. Давайте сделаем это в моем кабинете.

Секретарша не смогла сдержать своих чувств:

– Вы хотите видеть всех в Овальном кабинете?

– Да-да, вы правильно поняли.

– И всех одновременно, сэр?

– Почему бы и нет? Назначьте встречу на четыре часа.

Секретарша кивнула, соглашаясь – как соглашаются, чтобы успокоить душевнобольного.

– Хорошо, сэр. А тема встречи?..

– Сегодня вечером я должен сделать американскому народу важное заявление. И хочу, чтобы мои ближайшие сотрудники услышали его первыми.

На лице секретарши внезапно появилось тревожное, даже испуганное выражение, словно она ожидала чего-то ужасного. Она поинтересовалась почти шепотом:

– Сэр, не хотите же вы сказать, что отказываетесь от дальнейшей борьбы за второй срок?

Харни рассмеялся:

– Ради Бога, только не это, Долорес! Я прямо-таки рвусь в бой!

Секретарша явно не спешила поверить в это. Средства массовой информации в один голос кричали, что президент игнорирует предстоящие выборы.

Харни весело подмигнул:

– Долорес, все эти годы вы так замечательно, преданно мне служили! Но вам придется поработать с таким же упорством еще четыре года. Клянусь, в этот раз мы не покинем Белый дом!

Теперь Долорес смотрела на него так, словно очень хотела верить его словам.

– Да, сэр. Я обязательно соберу всех. Ровно в четыре.

Входя в Овальный кабинет, Зак Харни не мог сдержать улыбку: он представил, как все его сотрудники столпятся в этой кажущейся совсем небольшой комнате.

Знаменитый кабинет за свою долгую историю приобрел множество различных прозвищ. Как только его не называли: мужская комната, берлога Дика, спальня Клинтона. Харни предпочитал называть его «ловушкой для омаров». Это казалось самым подходящим. Каждый раз, когда в кабинет входил новый человек, он моментально терял равновесие и точку опоры. Симметрия комнаты, ее мягко закругляющиеся стены, искусно замаскированные двери, отдельные для входа и выхода, заставляли посетителя ощущать некое подобие головокружения и даже расстройство зрения. Нередко какой-нибудь важный человек, поднявшись после беседы с президентом, торжественно пожимал хозяину кабинета руку и целеустремленно направлялся напрямиком в шкаф. Дальнейшее зависело от исхода встречи: президент или сразу останавливал гостя, или же с интересом наблюдал, как тот смущенно пытается выпутаться из затруднительного положения.

Харни всегда считал, что самой важной и эффектной особенностью Овального кабинета является многоцветный американский орел, вытканый на ковре, покрывающем пол. Левой лапой птица сжимает оливковую ветвь, а правой – пучок стрел. Мало кому из посторонних было известно об одной интересной детали: в мирное время орел смотрел влево, по направлению оливковой ветви. Когда США вступали в войну, он таинственным образом поворачивал голову вправо, в сторону стрел. Секрет этого небольшого, но очаровательного трюка служил постоянным источником раздумий для всех сотрудников аппарата, поскольку лишь сам президент и руководитель хозяйственной части знали, как это делается. Когда пришло его время, Харни с разочарованием обнаружил, что все объясняется чересчур просто: в подвале в кладовой хранился еще один овальный ковер, и при необходимости ночью их меняли местами.

Сейчас, взирая на мирно смотрящего влево орла, Харни улыбнулся собственной мысли: а что, если в честь небольшой войны, которую он намерен развернуть против сенатора Седжвика Секстона, сменить ковер?

Глава 15

Американское военное подразделение «Дельта» – единственная команда, которая президентским указом полностью ограждена от власти закона.

Директива президента за номером двадцать пять обеспечивает служащим подразделения «Дельта» «полную свободу от юридической подотчетности», в том числе выводит из-под действия акта «*Posse Comitatus*» – документа, предписывающего наказание для всякого, кто использует военную силу в личных интересах, с целью нарушения закона или для несанкционированных тайных операций.

Набор в подразделение «Дельта» ведется из служащих Группы военных действий – организации при Специальной оперативной команде, базирующейся в штате Северная Каролина, в местечке Форт-Брэгг.

Бойцы подразделения «Дельта» – хорошо обученные и вышколенные убийцы, специалисты по освобождению заложников, асы в разного рода спецоперациях, внезапных рейдах, в уничтожении замаскированных сил врага.

Задания, выполняемые подразделением «Дельта», обычно характеризуются высоким уровнем секретности, поэтому традиционная многоуровневая система руководства заменена здесь единоличным командованием. Во главе спецгруппы встает один-единственный человек, взваливающий на свои плечи всю тяжесть принятия решений и ответственности за предпринимаемые действия. Этим руководителем обычно становится опытный военный или правительственный чиновник высокого ранга, обладающий к тому же значительным влиянием и авторитетом, необходимыми при выполнении сложных заданий.

Все миссии, возлагаемые на подразделение «Дельта», характеризуются высшей степенью сложности. Выполнив задание, бойцы никогда больше его не обсуждают – ни между собой, ни с командирами.

«Вылетаем. Сражаемся. Забываем».

Команде подразделения «Дельта», заброшенной в пустынную местность выше восьмидесят второй параллели, не нужно было никуда лететь и сражаться. Она просто наблюдала.

Дельта-1 вынужден был признать, что нынешнее задание – самое необычное в его практике. Однако он давно научился ничему не удивляться. За последние пять лет ему довелось участвовать в освобождении заложников на Ближнем Востоке, отслеживать и уничтожать террористические группировки в самих Соединенных Штатах и даже содействовать тайному бесследному исчезновению нескольких представляющих опасность мужчин и женщин в разных частях света.

Всего месяц назад его команде пришлось с помощью летающего миниатюрного робота организовать сердечный приступ со смертельным исходом. В результате в одной из стран Южной Америки скончался крупный и влиятельный наркобарон. Дельта-2 запустил робота, оснащенного титановой иглой толщиной с волос, через окно второго этажа. Микробот проник в дом, нашел спальню и сделал спящему «клиенту» укол препарата, резко сужающего сосуды. После чего вылетел обратно на улицу, не оставив после себя ни следа. А «клиент» через некоторое время проснулся от боли в сердце. Когда его жена вызывала «скорую», команда подразделения «Дельта» уже летела домой.

Никакого шума, взломов, нападений, никакой борьбы и стрельбы.

Смерть, вызванная естественными причинами.

Все было сделано самым изящным образом.

Пару недель назад еще один микробот, внедренный в офис небезызвестного сенатора, запечатлел очень интересную сексуальную сцену. Команда шутливо определила это задание как «проникновение за линию фронта».

Сейчас, после почти десяти дней, проведенных в палатке на наблюдательном пункте, словно в ловушке, Дельта-1 готовился к завершению миссии.

Оставаться в засаде.

Наблюдать за куполом – и снаружи, и изнутри.

Сообщать контролеру обо всех непредвиденных ситуациях на объекте.

Дельта-1 прошел специальную подготовку и никогда не испытывал никаких эмоций относительно получаемых заданий. Но эта операция все же заставила и его с товарищами немного поволноваться, когда они готовили первый отчет. Отчет проходил заочно – по секретным каналам электронной связи. Дельта-1 не мог сказать, кто именно принимал их отчеты.

Он занимался приготовлением протеиновой еды, когда неожиданно зазвучали все личные хронометры команды. Через несколько секунд ожил аппарат криптографической связи. Дельта-1 схватил трубку. Товарищи молча наблюдали.

– Дельта-1, – произнес он в трансмиттер.

Расположенная внутри аппарата компьютерная программа распознавания голоса зафиксировала оба произнесенных слова. Каждому слову был присвоен референтный номер, тут же зашифрованный и отправленный адресату. Аналогичный прибор на другом конце связи расшифровал номера и при помощи заранее составленного тезауруса снова перевел их в слова. Синтезированный голос озвучил их. Весь процесс занял восемьдесят миллисекунд.

– На связи контролер, – произнес человек, руководивший операцией. Криптограф передавал его слова неживым, бесполом тембром. – Доложите обстановку.

– Все идет точно по плану, – ответил Дельта-1.

– Прекрасно. У меня имеются временные коррективы. Информация будет обнародована сегодня в восемь вечера по восточному времени.

Дельта-1 сверился с хронометром. Оставалось восемь часов. Скоро их работа здесь закончится.

– Еще изменения, – произнес контролер. – На сцене новый игрок.

– Какой новый игрок?

Дельта-1 внимательно слушал. Интересная игра. Кто-то там, далеко, играет ва-банк.

– Вы считаете, ей можно доверять?

– Надо очень внимательно за ней следить.

– А если последуют неприятности?

Контролер не колебался:

– Все распоряжения остаются в силе.

Глава 16

Вот уже час Рейчел Секстон летела на север. На протяжении всего пути она видела внизу лишь воду. Только один раз промелькнула земля – Ньюфаундленд.

– Ну почему же столько воды? – пробормотала она.

В возрасте семи лет, катаясь на коньках по замерзшему пруду, Рейчел провалилась под лед. Оказавшись в страшной ловушке, она уже не сомневалась, что умрет, когда неожиданно сильные руки матери вытащили ее из воды. С того страшного дня Рейчел нередко испытывала ужасные приступы гидрофобии. Особенно пугали ее бескрайние морские пространства и холодная вода. И вот сейчас, когда вокруг не было ничего, кроме неба и Северного Ледовитого океана, страх снова пробудился в ней.

До той минуты, когда Ласигейн вышел на связь с военной базой Туле на севере Гренландии, чтобы сверить координаты, Рейчел и не представляла, как далеко они залетели.

Неужели они за Полярным кругом? Открытие оказалось не из приятных. Куда ее везут? Что такое обнаружило НАСА?

Вскоре серо-голубое пространство внизу покрылось тысячами белых точек.

Айсберги.

Рейчел видела айсберги всего лишь раз в жизни. Произошло это шесть лет назад, когда мать уговорила ее поехать с ней в круиз к берегам Аляски. Рейчел упорно предлагала множество других вариантов совместного путешествия. Естественно, по земле, а не по воде.

– Рейчел, милая, – бархатно ворковала мать, – но ведь две трети планеты покрыты водой. Так что рано или поздно тебе придется иметь с ней дело.

Миссис Секстон представляла собой образец неунывающей дамы из Новой Англии. Она хотела видеть в дочери сильную личность.

Этот круиз стал последним их с матерью путешествием.

Кэтрин Уэнтворд Секстон. Рейчел ощутила внезапную тоску одиночества. Подобные завывающему за обшивкой самолета ветру, в душу хлынули воспоминания – так же стремительно, как и всегда. Последний раз они с матерью разговаривали по телефону. Это было утро Дня благодарения.

– Извини, мам. – Рейчел позвонила домой из занесенного снегом аэропорта О’Хара. – Я знаю, что в нашей семье никогда не проводили День благодарения врозь. Но похоже, что сегодня это произойдет.

Казалось, мать ужасно расстроилась.

– Я так мечтала тебя увидеть!

– Да и я тоже. Когда будете с папой смаковать индейку, представляй себе, как я здесь, в аэропорту, питаюсь всякой гадостью.

Повисло долгое молчание. Потом миссис Секстон вновь заговорила, но ее голос звучал как-то странно.

– Дочка, я не хотела говорить до твоего приезда, но отец утверждает, что слишком занят и не сможет в этом году выбраться на праздник домой. Останется в своей квартире там, в Вашингтоне, на весь уик-энд.

– Что?! – Рейчел не смогла скрыть изумления, но оно тут же сменилось гневом. – Ведь это же День благодарения! Сенат не заседает! А до дома ему добираться меньше двух часов! Он просто обязан быть с тобой!

– Я знаю. Но он говорит, что измучился. Слишком устал, чтобы вести машину. И решил поработать в выходные.

– Поработать?

В вопросе слышалось явное недоверие. Скорее всего сенатор Секстон намерен погрузиться в общение с другой женщиной. Его измены жене, которые он пытался скрывать, начались много лет назад. Миссис Секстон не была дурочкой, но интрижки мужа всегда сопровождались убедительным алиби и болезненным неприятием малейшего подозрения в неверности. В конце концов миссис Секстон решила, что единственный возможный выход для нее – просто не обращать внимания на похождения супруга.

Рейчел пыталась убедить мать в необходимости развода, однако Кэтрин Уэнтворд Секстон умела держать слово.

– «Пока смерть не разлучит нас», – процитировала она. – Твой отец подарил мне тебя, прекрасную, замечательную дочь. За это я ему благодарна. А за свои поступки он когда-нибудь сам ответит перед высшим судом.

И вот, находясь в аэропорту, Рейчел буквально кипела от гнева.

– Но тебе придется провести День благодарения в одиночестве!..

Она едва сдерживалась. Бросить семью в День благодарения – это было чересчур даже для сенатора Секстона.

– Ну... – бодро сказала миссис Секстон, – разумеется, я не могу позволить всей этой еде испортиться. Отвезу к тетушке Энн. Она ведь всегда приглашала нас на День благодарения. Позвоню прямо сейчас.

Рейчел ощутила, как острое чувство вины чуть отступило.

– Договорились. А я приеду домой сразу, как только смогу. Целую, мамочка.

– Счастливого полета, милая.

В десять тридцать вечера такси, в котором ехала Рейчел, наконец свернуло на аллею роскошного поместья Секстонов. Она сразу поняла: что-то случилось. Возле дома – три полицейские машины. Несколько телевизионных фургончиков. Во всем доме горит свет. С бешено колотящимся сердцем Рейчел взлетела по ступеням.

Полицейский встретил ее в дверях. Лицо его было мрачным и угрюмым. Говорить ему ничего не пришлось. Рейчел поняла без слов. Произошел несчастный случай.

– Шоссе номер 25 сейчас очень скользкое – шел дождь, а потом подмерзло, – пояснил офицер. – Машина вашей матери вылетела в глубокий овраг. Мне очень жаль. Она погибла мгновенно.

Рейчел словно окоченела. Отец, вернувшийся домой сразу, как только получил сообщение, давал интервью в гостиной. Он объявлял всему миру, что его жена погибла в автомобильной катастрофе, возвращаясь с семейного обеда в честь Дня благодарения.

Рейчел стояла в коридоре. Теперь ее душили рыдания.

– Единственное, чего бы я хотел, так это иметь возможность быть в праздник дома, рядом с ней. Тогда этого бы не случилось, – говорил отец, глядя в камеру. Его глаза были полны слез.

– Тебе бы подумать об этом давным-давно, много лет назад, – плакала Рейчел.

Ненависть к отцу крепла с каждой минутой.

Именно с этого дня Рейчел мысленно разошлась с отцом. Она сделала то, что упорно отказывалась делать мать. Сенатор, впрочем, едва ли заметил это. Он тут же пустил состояние покойной жены в оборот, начав хлопотать, чтобы партия выдвинула его кандидатуру на президентских выборах. То, что он использует естественное стремление людей сочувствовать чужому горю, вовсе его не смущало.

И вот три года спустя сенатор снова обрекал ее на одиночество. Стремление отца во что бы то ни стало попасть в Белый дом отодвигало в неопределенную перспективу осуществление мечты Рейчел о встрече с единственным мужчиной, о создании семьи. Ей было бы намного легче устраниваться от всех политических игр, чем иметь дело с нескончаемой вереницей жадных до власти вашингтонских женихов, стремящихся овладеть сердцем одинокой и печальной потенциальной «первой дочери» страны, пока она еще не сделала свой выбор.

За стеклом кабины «Эф-14» дневной свет начал понемногу меркнуть. В Арктике стояла поздняя зима. Время полярной ночи. Рейчел наблюдала, как все вокруг погружается в темноту.

Наконец солнце окончательно исчезло за горизонтом. Самолет, не меняя курса, летел на север. Появилась сияющая луна в третьей четверти. В ледяном прозрачном воздухе она висела неровным белым овалом. Далеко внизу мерцали океанские волны, а айсберги напоминали бриллианты на темном бархате с блестками.

В конце концов Рейчел заметила туманные очертания земли. Но это оказалось совсем не то, что она ожидала увидеть. Впереди из океана выступал огромный, покрытый снегами горный хребет.

– Горы? – растерянно спросила Рейчел. – Неужели к северу от Гренландии есть горы?

– Очевидно, – ответил пилот.

Казалось, он был удивлен ничуть не меньше.

Нос «Эф-14» ушел вниз, и Рейчел ощутила головокружение невесомости. Сквозь нескончаемый звон в ушах она слышала ритмичный электронный писк. Очевидно, пилот настроился на какой-то маяк и ориентировался по нему.

Они опустились ниже трех тысяч футов, и теперь можно было разглядеть массивы залитой лунным светом земли. У подножия гор простиралась обширная снежная равнина. Плоскость плавно изгибалась, опускаясь к океану, на протяжении примерно десяти миль, а потом внезапно упиралась в ледяную скалу, уходящую другим склоном в воду.

Только теперь Рейчел увидела это. Зрелище, подобное которому трудно даже представить здесь, на земле. Сначала она решила, что это играет в свои колдовские игры луна. Прищурившись, начала рассматривать снежную равнину внизу, но все равно не могла понять, что же там такое. Чем ниже опускался самолет, тем яснее вырисовывалась картина.

– Что же это? Ради Бога, что это такое?

Плато внизу, под самолетом, казалось полосатым... словно кто-то раскрасил снег тремя гигантскими мазками серебряной краски. Мерцающие призрачные полосы тянулись параллельно прибрежным скалам. Лишь когда самолет опустился до пятисот футов, оптическая иллюзия проявилась. Три серебряных полосы оказались глубокими впадинами, каждая шириной примерно в тридцать ярдов. Заполненные замерзшей водой широкие каналы, идущие параллельно.

Самолет начал быстро снижаться, и плато под его крыльями запрыгало и закачалось, словно при сильной буре. Рейчел услышала, как с тяжелым скрипом выдвинулось шасси, однако посадочной полосы нигде не было. Пилот сражался с машиной, а Рейчел тем временем внимательно рассматривала землю. Наконец она заметила две мерцающие линии, тянущиеся по крайней серебристой полосе. И с ужасом поняла, что именно собирается предпринять пилот.

– Мы садимся на лед? – Она не спросила, а потребовала ответа.

Летчик ничего не ответил. Казалось, все его внимание сосредоточено на борьбе с бешеным ветром. Самолет резко сбросил скорость, а потом почти упал на ледяную трассу. Внутри у Рейчел все перевернулось в который уже раз. Высокие снежные завалы потянулись по обе стороны машины. Рейчел затаила дыхание, прекрасно сознавая, что малейшая ошибка пилота будет означать неминуемую смерть. Самолет опустился между сугробами еще ниже, и внезапно тряска прекратилась. Оказавшись вне досягаемости ветра, самолет аккуратно коснулся льда.

Взревели двигатели задней тяги, тормозя самолет. Рейчел наконец позволила себе выдохнуть. Машина продвинулась еще примерно на сотню ярдов и остановилась точно у красной линии, нанесенной спреем прямо на лед.

Справа пейзаж ограничивался мерцающей в лунном свете ледяной стеной. Слева – то же самое. Только сквозь ветровое стекло Рейчел могла что-то рассмотреть... Это что-то было бес-

конечным заснеженным пространством. Ощущение было такое, словно после долгого полета они приземлились на мертвую планету. Единственным признаком жизни служила красная полоса на льду.

А потом Рейчел услышала... Издалека приближался звук другого двигателя. Тон его казался выше. Шум становился все громче, и наконец машина возникла в поле зрения. К ним приближался большой снегоход. Он тяжело пробирался вдоль ледяной ложбины. Высокий, разлапистый, он напоминал огромное фантастическое насекомое, шагающее на мощных, все сметающих на своем пути ногах. Вознесенная на верхотуру плексигласовая кабина была снабжена мощными фарами, посылающими вперед и вокруг широкие полосы света.

Снегоход, задрожав, замер рядом с самолетом. Дверь кабины открылась, и по лестнице на лед спустился человек. Он был одет в толстый белый комбинезон и казался словно надутым.

Безумный Макс встречается с Пончиком Пиллсбери, невольно подумала Рейчел. Увидеть, что странная планета в действительности населена, необыкновенно приятно.

Человек знаком показал, чтобы пилот откинул фонарь кабины.

Тот исполнил требуемое.

Едва кабина открылась, поток холодного воздуха моментально пробрал все существо Рейчел и, казалось, заморозил ее до глубины души.

«Закройте же этот чертов фонарь!»

– Мисс Секстон? – обратилась к ней белая надутая фигура. – Я приветствую вас от имени НАСА.

Рейчел тряслась от холода. «Вот уж спасибо!»

– Будьте добры, отстегните ремни, снимите шлем и оставьте его в кабине, а потом спуститесь, держась за выступы на фюзеляже. Вопросы есть?

– Есть! – прокричала в ответ Рейчел. – Где, черт возьми, я нахожусь?

Глава 17

Марджори Тенч – старший советник президента – больше походила на ходячий скелет, а не на живого человека. Ее костлявая фигура высотой в шесть футов напоминала конструкцию, собранную из отдельных деталей – конечностей, сочленений. Над всем этим непрочным сооружением возвышалась, покачиваясь, голова с желтушным лицом, словно вырезанным из пергамента, с двумя отверстиями ничего не выражающих глаз. В пятьдесят один год она выглядела на все семьдесят.

Тенч в Вашингтоне глубоко почитали. Она имела репутацию богини политического олимпа. Говорили, что ее аналитические способности граничат с ясновидением. Десять лет работы в разведывательном бюро госдепартамента помогли отточить критически мыслящий ум до убийственной остроты. К сожалению, вместе с политической прозорливостью выработался и ледяной темперамент.

Как правило, люди выдерживали общение с ней не дольше десяти минут. Природа наградила Марджори Тенч всеми свойствами самого совершенного, мощного компьютера, в том числе его эмоциональностью и душевной теплотой. Однако президент Зак Харни с легкостью выносил характер этой дамы. Ведь это именно ее интеллект и работоспособность привели его к власти.

– Марджори! – Президент встал, чтобы поприветствовать входящую в Овальный кабинет даму. – Чем могу помочь?

Он не предложил ей присесть. Общепринятые нормы вежливости теряли свою актуальность в присутствии особ, подобных Марджори Тенч. Если Тенч желала сесть, то она и без всякого приглашения прекрасно могла это сделать.

– Насколько я поняла, сегодня в четыре часа вы собираете пресс-конференцию для сотрудников. – Прокуренный голос ее звучал хрипло. – Это превосходно.

Тенч мгновение помолчала, и президент почувствовал, как работает механизм ее компьютера. Он испытывал к ней искреннюю признательность. Среди сотрудников аппарата Белого дома Марджори Тенч была одной из тех немногих избранных, кто находился в курсе новейших разработок НАСА, в том числе и последнего открытия. Ее политическая интуиция помогала президенту принимать решения и разрабатывать стратегию.

– Дебаты на Си-эн-эн сегодня в час, – кашлянув, заметила советница. – Кого мы пошлем на спарринг с Секстоном?

Харни улыбнулся:

– Кого-нибудь из младших сотрудников, участвующих в избирательной кампании.

Прием целенаправленного унижения соперника стар, как сама практика политических дебатов. Противнику просто подсовывают для «отстрела» самую мелкую дичь.

– Есть идея получше, – заметила Тенч, заглядывая своими невыразительными глазами в глаза президента. – Позвольте мне самой туда отправиться.

Зак Харни непроизвольно вскинул голову:

– Вы? – О чем, интересно, она думает? – Марджори, но ведь общение с прессой не входит в ваши обязанности. А кроме того, это дневное шоу для кабельного телевидения. И если я отправлю своего старшего советника участвовать в нем, то какое впечатление это произведет? Все решат, что мы запаниковали.

– Совершенно верно.

Харни внимательно посмотрел на советника. Какую бы сложную схему она ни придумала, он ни за что не позволит ей принять участие в дебатах на Си-эн-эн. Каждый, кто хоть раз видел эту умнейшую даму собственными глазами, знал, почему она работает за кулисами. Выглядела

она просто ужасно – совсем не с такой внешностью следует представлять перед широкими массами, чтобы донести до них идеи Белого дома.

– Я займусь этими дебатами, – решительно повторила советник.

Она уже не спрашивала разрешения.

– Марджори! – Президент попытался подсластить пилюлю. – Люди Секстона непременно заявят, что ваше присутствие на Си-эн-эн означает не что иное, как панику и тревогу в Белом доме. Мы не можем слишком рано выставить тяжелую артиллерию. Это будет выглядеть так, словно мы отчаялись.

Марджори спокойно кивнула и закурила сигарету.

– Чем отчаяннее мы выглядим, тем лучше.

В течение следующих шестидесяти секунд Марджори Тенч убедительно продемонстрировала президенту, почему он должен послать на теледебаты именно ее, а не какую-нибудь мелкую рыбешку. Когда она замолчала, президенту уже нечего было оспаривать. Он лишь изумленно моргал.

Марджори Тенч еще раз доказала свое политическое чутье.

Глава 18

Шельфовый ледник Милна представляет собой самую обширную ледовую поверхность в северном полушарии. Расположенный выше восьмидесятой параллели на северном побережье арктического острова Элсмир, этот кусок льда насчитывает четыре километра в ширину. Толщина же его более трехсот футов.

Когда Рейчел забралась в плексигласовую кабину снегохода, она по достоинству оценила теплую куртку и рукавицы, которые ожидали ее на сиденье. Весьма кстати оказалась и работавшая в кабине печка. Снаружи, на ледовой взлетной полосе, вновь взревели двигатели «Эф-14». Самолет разогнался.

Рейчел с тревогой посмотрела ему вслед:

– Он что, улетает?

Ее новый провожатый уселся на водительское место и кивнул:

– Здесь могут находиться исключительно научные сотрудники и команда непосредственной поддержки НАСА.

Самолет взмыл в темное небо, и Рейчел почувствовала себя так, словно ее оставили на необитаемом острове.

– Мы с вами поедem на снегоходе, – успокоил ее сопровождающий, – администратор уже ждет вас.

Рейчел взглянула на простиравшуюся впереди серебристую ледовую дорогу и постаралась представить, какого черта здесь делает администратор НАСА.

– Держитесь! – скомандовал водитель, нажимая на какие-то рычаги.

Со скрипом и рычанием машина развернулась на девяносто градусов, словно тяжелый танк. Рейчел взглянула на крутой склон и в очередной раз испугалась. Не собирается же он...

– Рок-н-ролл!

Водитель сдвинул рычаг, и, набирая скорость, машина направилась напрямик к склону. Рейчел негромко вскрикнула и ухватилась за поручень. Удивительная машина врезалась в стену, шипованные гусеницы вгрызлись в лед, и они поползли вверх по склону. Рейчел не сомневалась, что с минуты на минуту машина перевернется, однако, как ни странно, кабина сохраняла горизонтальное положение на протяжении всего восхождения. Когда гигантский паук оказался на вершине горы, водитель повернулся и с улыбкой взглянул на побелевшую от ужаса пассажирку:

– Недурно, правда? Принцип мы позаимствовали у марсохода. Работает безотказно!

Рейчел слабо кивнула:

– Здорово!

С вершины ледяного увала она окинула взглядом немыслимый пейзаж. Невдалеке возвышалась еще одна гряда, а за ней волнообразный рельеф переходил в плоскость – слегка наклонное, сияющее белизной пространство. Залитая лунным светом равнина уходила вдаль, сужаясь и змеей извиваясь между гор.

– Ледник Милна. – Водитель показал на горы. – Начинается он вон там и спускается в эту широкую низину, где мы с вами находимся.

Он снова включил двигатель, и Рейчел пришлось опять покрепче ухватиться за поручень. Теперь машина набирала скорость, спускаясь со склона. Внизу они пересекли еще одну ледяную реку и взобрались на вторую снежную гряду. Быстро спустившись с другой стороны, выбрались на гладкую поверхность и начали пробираться через ледник.

– Далеко еще?

Рейчел не видела вокруг ничего, кроме льда.

– Примерно две мили.

Рейчел подумала, что это очень далеко. Ветер безжалостно бил по кабине, словно стараясь перевернуть снегоход.

– Ветер дует сверху, – прокричал водитель, – постарайтесь привыкнуть к нему!

Он объяснил, что для здешних мест это обычное явление – ветер, дующий с гор вниз, по направлению к морю. Холодный воздух словно стекал по ледяной поверхности гор, подобно стремительной реке.

– Это единственное место на земле, – смеясь, добавил водитель, – где и ад мог бы замерзнуть.

Через несколько минут Рейчел сумела рассмотреть вдалеке смутные очертания. Из льда поднимался огромный белый купол. Рейчел потеряла глаза. Что это может быть?..

– Большой эскимос, верно? – шутливо поинтересовался водитель.

Рейчел гадала, что за зрелище предстает ее глазам. Все сооружение выглядело уменьшенной копией космодрома в Хьюстоне.

– НАСА построило эту штуковину недели полторы назад, – пояснил провожатый, – материал называется очень мудрено: плексиполисорбат. Эта штука надувается в несколько приемов. Нужно надуть составные части, потом соединить их в одно целое, прикрепить все это ко льду тросами, и готово. Выглядит словно огромная палатка, но на самом деле это разработанный НАСА образец из нескольких сегментов искусственной среды обитания, которые мы надеемся использовать когда-нибудь на Марсе. А называем мы его «хабисфера».

– Хабисфера?

– Да. Понимаете почему? Это же не натуральная сфера, а хабисфера.³

Рейчел улыбнулась шутке и принялась с интересом рассматривать странное здание.

– А поскольку НАСА еще не добралось до Марса, то парни, подобные вам, решили использовать ее здесь в качестве большого дома?

Водитель рассмеялся:

– Ну, честно говоря, лично я предпочел бы Таити, но не все зависит от моих желаний.

Рейчел продолжала изучать сооружение. Призрачным контуром оно выделялось на фоне темного неба. Снегоход приблизился к куполу и остановился у маленькой боковой двери, которая как раз начала открываться. На снег легла полоска электрического света. Появилась человеческая фигура. Это был крупный, высокий мужчина в толстом шерстяном свитере, который еще больше увеличивал его габариты, делая похожим на огромного медведя. Мужчина шагнул к снегоходу.

Рейчел ни на минуту не усомнилась, что наконец видит перед собой администратора НАСА Лоуренса Экстрема.

Водитель ободряюще улыбнулся ей:

– Пусть его габариты вас не пугают. На самом деле он котенок.

Рейчел подумала, что вернее всего было бы назвать его тигром.

Она прекрасно знала о репутации Экстрема. Он мог моментально откусить голову любому, кто становился на пути его мечты.

Гостья спустилась из кабины на землю, от порывов ветра едва держась на ногах. Собравшись с духом, поплотнее запахнула куртку и направилась к куполу.

Администратор НАСА встретил ее на полпути, дружески протягивая огромную лапу в кожаной рукавице.

– Мисс Секстон! Приветствую вас. Спасибо, что приехали.

Рейчел неуверенно кивнула и в ответ прокричала, стараясь пересилить рев ветра:

– Честно говоря, сэр, совсем не уверена, что у меня был выбор!

³ Habi – первая часть английского слова, означающего «жилище», «обиталище».

В тысяче метров вверх по леднику Дельта-1 внимательно наблюдал в инфракрасный бинокль, как администратор НАСА повел Рейчел Секстон в купол.

Глава 19

Администратор НАСА Лоуренс Экстрем, рыжий неотесанный гигант, очень напоминал северного бога. По-военному ежиком остриженные светлые волосы торчали над нахмуренным лбом, широкий, с толстой переносицей нос был покрыт паутиной вен. Глаза потускнели от целой вереницы бессонных ночей. До назначения в НАСА Экстрем, влиятельный аэрокосмический стратег и советник, служил в Пентагоне, где имел репутацию человека чрезвычайно мрачного и необщительного. Но эти его качества компенсировались безмерной преданностью делу и ответственностью за выполняемую задачу.

Рейчел Секстон шла за администратором НАСА по запутанному лабиринту просторных светлых залов и коридоров хабисферы. Стенки лабиринта представляли собой панели непрозрачного пластика, прикрепленные к туго натянутой проволоке. Пол был из чистого льда, покрытого резиновыми полосами, чтобы не скользить при ходьбе. Рейчел с интересом оглядела подобие жилого помещения, которое они миновали, – в нем был только ряд коек и биотуалетов.

К счастью, воздух в хабисфере казался теплым, хотя свежим его назвать было нельзя: смесь трудноразличимых запахов, всегда сопровождающих скопление людей в замкнутом пространстве, заметно отягощала его. Где-то негромко урчал генератор. Он производил ток, который питал лампы, свисавшие с потолка и придававшие внутреннему пространству купола жилой облик.

– Мисс Секстон, – пророкотал Экстрем на ходу, ведя гостью к какой-то ему одному известной цели, – позвольте мне быть совершенно откровенным с самого начала.

Тон его подразумевал все, что угодно, только не удовольствие от ее присутствия и необходимости уделять ей внимание.

– Вы сейчас здесь только потому, что этого хочет президент. Ему нужно, чтобы мы вас приняли. Зак Харни – мой личный друг. Кроме того, он оказывает НАСА постоянную поддержку. Я уважаю его. Преклоняюсь перед ним. Доверяю ему. А потому не позволяю себе ставить под сомнение те указания, которые он отдает, даже если лично я с ними не совсем согласен. Для полной ясности хочу подчеркнуть, что вовсе не разделяю энтузиазма президента по поводу вашего здесь присутствия и вообще участия в деле.

Рейчел внимательно слушала. Да, ради такого вот радушного приема она и явилась сюда – за три тысячи миль. Этот парень, конечно, не Марта Стюарт.⁴

– При всем моем уважении, – ответила она в тон Экстрему, – я также всего лишь выполняю приказ президента. Более того, мне даже не объяснили, зачем меня сюда везут. И вовсе не спрашивали моего согласия.

– Замечательно, – коротко заключил Экстрем, – тогда я буду говорить прямо и откровенно.

– По-моему, вы и так уже начали это делать.

Ответ Рейчел, казалось, удивил администратора. Он замедлил шаг и внимательно посмотрел на гостью, при этом взгляд его немного прояснился. Потом он глубоко вздохнул и пошел дальше.

– Надеюсь, вы понимаете, – снова заговорил Экстрем, – что находитесь здесь, на секретном объекте НАСА, против моей воли и вопреки всем моим возражениям. Вы не только представитель Национального разведывательного управления, директор которого не стесняется обходиться с сотрудниками НАСА, словно с сопливыми ребятами, но вы еще к тому же дочь человека, который считает делом чести уничтожить мое агентство. Сейчас настал счаст-

⁴ Марта Стюарт – бывшая фотомодель, брокер на Уолл-стрит. Создала собственную финансовую и медиаимперию. Ведущая ток-шоу на телевидении.

ливый момент для НАСА: мы подвергались массированному огню критики и вполне заслужили награду. Но из-за волны скептицизма, которую породил ваш отец, НАСА оказалось в ситуации, при которой мои трудолюбивые и самоотверженные люди вынуждены делить интерес и внимание всего мира с горсткой совершенно случайных, примазавшихся ученых и даже с дочерью человека, открыто пытающегося нас уничтожить.

– Я прилетела сюда вовсе не для того, чтобы привлечь к себе внимание мира, сэр, – ответила Рейчел.

Экстрем вновь внимательно на нее посмотрел:

– Может оказаться, что альтернативы не будет.

Это замечание удивило Рейчел. Хотя президент Харни и не говорил ничего конкретного относительно ее возможной помощи в каком-либо публичном деле, все же Уильям Пикеринг недвусмысленно высказал подозрение по поводу того, что Рейчел вполне может оказаться в роли политической пешки.

– Я хочу знать, что мне предстоит делать, – заявила она.

– И вы, и я – мы оба хотим это знать. Я не обладаю такой информацией.

– Простите?

– Президент попросил меня ввести вас в курс дела относительно нашего открытия. А роль, которую вам предстоит исполнять в этой игре, определит только он сам.

– Он сказал, что открытие совершила ваша «Система наблюдения за Землей», это так?

Экстрем взглянул на гостью искоса:

– В какой мере вы знакомы с проектом?

– «Система наблюдения за Землей» – это созвездие из пяти спутников, каждый изучает Землю по своей программе: картографирование океана, анализ геологических изменений, наблюдение за процессом таяния полярных льдов, поиск ископаемых топливных ресурсов... – Рейчел словно отвечала школьный урок.

– Прекрасно, – остановил ее Экстрем, отнюдь не восхищенный ее знаниями. – А известно ли вам о недавнем пополнении этого созвездия спутников? Сокращенно он называется ПОСП.

Рейчел кивнула. Полярный орбитальный сканер плотности был создан для того, чтобы тщательнее контролировать последствия глобального потепления.

– Насколько я понимаю, ПОСП измеряет толщину и плотность полярных льдов?

– В конечном итоге так и есть. Он использует технологию спектрального анализа и измеряет плотность льда по всей его площади. Выявляет аномалии в плотности льда, то есть его размягчение, места поверхностного таяния, внутренние проталины, большие расщелины. Все это признаки, свидетельствующие о глобальном потеплении.

Рейчел слышала о методе сложного сканирования. Спутники Национального разведывательного управления использовали аналогичные технологии для определения разницы плотности земной поверхности в Восточной Европе и нахождения таким образом мест массовых захоронений. Они доказывали, что там действительно происходили этнические чистки.

– Две недели назад, – продолжал Экстрем, – ПОСП проходил над этим самым ледником и отметил аномалию, не похожую ни на что другое. Такого мы не ожидали увидеть. На глубине двухсот футов под поверхностью льда, совершенно замкнутая пластами твердого льда, проявилась аморфная глобула диаметром в десять футов.

– Водяной карман? – быстро уточнила Рейчел.

– В том-то и дело, что нет. Не жидкая. Аномалия оказалась тверже того льда, который ее окружает.

Рейчел помолчала, раздумывая.

– Там что, какой-то валун, булыжник или что-то подобное?

Экстрем уверенно кивнул:

– Именно.

Рейчел ждала продолжения рассказа. Однако его не последовало. Значит, она прилетела сюда просто потому, что НАСА обнаружило во льдах очень большой камень?

– Пока сканер не определил плотность камня, мы и не обратили на него внимания. А потом срочно выслали команду для анализа находки. Этот камень вот здесь, под нами, и он оказался намного плотнее других камней на острове Элсмир. Значительно плотнее всех камней в радиусе четырехсот миль.

Рейчел внимательно взглянула под ноги, на лед, ясно представив где-то там, в глубине, громадный валун.

– Вы хотите сказать, что кто-то передвинул его сюда?

Казалось, Экстрому ее вопрос развеселил.

– Камушек весит больше восьми тонн. Он лежит под двумя сотнями футов плотного льда. Следовательно, находится здесь, без малейшего движения, уже триста лет.

Рейчел устало брела за Экстромом по длинному узкому коридору в самое сердце этого сложного сооружения. Они миновали двух неподвижно стоявших вооруженных охранников. Она взглянула на своего гида:

– Но я полагаю, что логическое объяснение все-таки существует?

– Скорее всего объяснение, конечно, есть, – невозмутимо ответил Экстром. – Обнаруженный спутником камень – метеорит.

Рейчел остановилась как вкопанная посреди коридора и внимательно посмотрела на администратора. Метеорит? Ее захлестнула волна разочарования. После того пафоса, с которым обставил все это предприятие президент, метеорит был подобен мухе. Как там говорил Харни? Открытие моментально и бесповоротно оправдывает все прошлые расходы и ошибки НАСА?.. Интересно, о чем он думал? Конечно, метеориты имеют определенную ценность, но НАСА постоянно их находит.

– Этот метеорит – один из самых больших, которые когда-либо находили, – заговорил, тоже остановившись, Экстром. – Мы считаем, что он является частью гораздо большего метеорита, который, по документальным свидетельствам, упал в Северный Ледовитый океан в восемнадцатом веке. Скорее всего этот камень откололся при ударе, отлетел в сторону и упал сюда, на ледник Милна, а потом медленно зарывался в лед на протяжении последних трехсот лет.

Рейчел поморщилась. Нет, это открытие не меняет ровным счетом ничего. Ее оскорбляло крепнущее подозрение: ее хотят сделать участницей публичного трюка, за который в отчаянии ухватились и НАСА, и Белый дом. Они изо всех сил пытаются вытянуть подвернувшуюся под руку находку на уровень крупнейшего, способного потрясти мир открытия, совершенного НАСА.

– Вас это не слишком удивило, – заметил Экстром.

– Мне кажется, я ожидала чего-то... другого.

Гигант прищурился:

– Метеорит таких размеров – исключительно редкая находка, мисс Секстон. В мире существует всего несколько экземпляров большего размера...

– Но насколько я понимаю...

– ...однако дело в том, что нас впечатляет не сам размер метеорита.

Рейчел внимательно слушала собеседника.

– Этот метеорит обладает некоторыми совершенно поразительными свойствами, которых раньше не встречали ни в одном из других небесных тел такого типа. Ни больших, ни маленьких. – Он махнул рукой вдоль коридора. – Если вы не против, я познакомлю вас с человеком, который разбирается в этих вопросах куда лучше меня.

Рейчел немного удивилась:

– Неужели существует кто-то обладающий более высокой квалификацией, чем сам администратор НАСА?

Экстром внимательно изучал ее своими тусклыми глазами.

– Он обладает более высокой квалификацией, мисс Секстон, потому что он не военный, а гражданский. Я решил, что поскольку вы профессиональный аналитик информации, то предпочтете получить сведения у него.

Рейчел проглотила пилюлю.

Они снова двинулись по коридору. Наконец уткнулись в тяжелый черный занавес. За ним можно было расслышать приглушенный гул множества голосов, словно на огромном открытом пространстве собралась толпа людей.

Не произнося ни слова, администратор отдернул занавес. Рейчел зажмурилась от невыносимо яркого света. Осторожно, неуверенно сделала шаг вперед, в ослепительное сияние. Когда глаза немного привыкли и начали различать что-то, помимо света, она увидела перед собой огромный зал и невольно вздохнула, пораженная зрелищем.

– Господи, – прошептала она, – что это такое?

Глава 20

Студия корпорации Си-эн-эн, что на окраине Вашингтона, округ Колумбия, – это одна из двухсот двенадцати студий, разбросанных по всему миру и связанных через спутник с всемирной штаб-квартирой телесети Тернера в Атланте.

Когда лимузин Седжвика Секстона затормозил на стоянке, было тринадцать сорок пять. Сенатор вышел из машины и непринужденным, неторопливым шагом направился к подъезду, чувствуя себя очень уверенно. В холле их с Гэбриэл приветствовал тучный продюсер, приклеивший на физиономию улыбку.

– Сенатор Секстон, – возбужденно заговорил он, – добро пожаловать! Замечательная новость! Мы только что узнали, кого именно Белый дом выбрал в качестве вашего спарринг-партнера. – Продюсер добавил обаяния своей улыбке. – Надеюсь, вы сегодня в боевой форме?

Он сделал жест в сторону стеклянной стенки, отделявшей студию.

Секстон взглянул туда и едва не споткнулся от неожиданности. Сквозь дым вечной сигареты на него смотрело самое некрасивое лицо политического олимпа.

– Марджори Тенч? – Сенатор едва не прокричал это имя. – Какого черта она здесь делает?

Секстон не подозревал подвоха, но, в чем бы ни заключался фокус, присутствие этой дамы само по себе казалось фантастичным. Оно, несомненно, означало, что президент в отчаянии. Иначе с какой стати он посылает на линию огня своего старшего советника? Президент Зак Харни явно выдвигает тяжелую артиллерию. Секстон порадовался открывающейся перспективе. Чем сильнее оппонент, тем значительнее окажется его поражение.

Сенатор ни на секунду не сомневался, что Тенч – достойная, умная соперница. И тем не менее, глядя через стекло на эту женщину, он не мог не подумать, что президент совершил серьезную тактическую ошибку. Марджори Тенч выглядела поистине ужасно. Сейчас она расслабленно сидела в кресле, спокойно затягиваясь и вдыхая дым. Правая рука неспешно подносила сигарету к губам, напоминая переднюю конечность жука-богомла.

Да уж, невольно подумал Секстон, с таким лицом лучше выступать по радио.

Когда Седжвику Секстону приходилось видеть в газетах фотографию старшего советника Белого дома, он каждый раз с трудом верил, что разглядывает одну из самых влиятельных персон государства.

– Мне это совсем не нравится, – прошептала Гэбриэл.

Секстон ее почти не слышал. Чем больше он обдумывал ситуацию, тем больше прелестей в ней находил. Еще больше, чем совершенно нетелегеничное лицо Тенч, была на руку сенатору ее репутация. Марджори Тенч не уставала подчеркивать при каждой возможности, что ведущая роль США в мире должна быть обеспечена исключительно путем технологического прогресса и технического превосходства. Она была яркой сторонницей правительственных исследовательских программ и демонстрировала активную приверженность НАСА. Многие считали, что именно под влиянием Тенч президент настаивает на финансировании не слишком успешных проектов космического агентства.

Секстон раздумывал, не решил ли президент наказать Тенч за все ее дурные советы относительно поддержки НАСА. Может быть, он сознательно решил отдать своего старшего советника на растерзание?

Гэбриэл Эш смотрела сквозь стекло на Марджори Тенч и не могла подавить все возрастающее предчувствие беды. Во-первых, эта дама чертовски умна. А во-вторых, ее появление здесь и сейчас казалось слишком уж неожиданным ходом. Сочетание двух этих фактов не сулило ничего хорошего. Если учесть приверженность Тенч делу НАСА, то сегодняшнее ее

выступление в качестве оппонента сенатора Секстона кажется невыгодным для Белого дома. Но ведь президент далеко не дурак. Предчувствие подсказывало Гэбриэл Эш, что дебаты могут закончиться весьма плачевно.

Она понимала, что сенатор уже предвкушает победу, и это лишь усиливало ее тревогу. Стоит Секстону хоть немного возомнить о себе, как он начнет хватать через край. Конечно, вопрос о НАСА оставался выигрышной картой, и тем не менее Гэбриэл полагала, что в последнее время Секстон слишком уж козырял ею. Множество избирательных кампаний провалились лишь потому, что кандидат терял бдительность и шел напролом, тогда как требовалось всего лишь осторожно закончить раунд.

Продюсер, казалось, с радостью предвкушал предстоящий кровавый матч.

– Давайте посмотрим, как вы будете сидеть, сенатор.

Секстон направился в студию, но Гэбриэл успела предупредить его.

– Я знаю, о чем вы думаете, – прошептала она, – но, ради Бога, будьте умницей. Не хватайте через край.

– Через край? – улыбнулся Секстон.

– Не забывайте, эта женщина делает все очень хорошо.

Сенатор многозначительно подмигнул:

– Я тоже.

Глава 21

Напоминающий огромную пещеру главный зал хабисферы НАСА в любом месте планеты показался бы чрезвычайно странным зрелищем. И то, что он находился среди арктических льдов, никак не заслоняло его фантастичности.

Глядя вверх, на купол, собранный из сцепленных между собой треугольных пластин, Рейчел чувствовала себя словно в колоссальном изоляторе. Стены врастали в пол из чистого льда, на котором по периметру, словно часовые, замерли многочисленные галогенные лампы. Они бросали вверх резкий свет и превращали зал в какое-то нереальное, призрачное царство.

По ледяному полу в разных направлениях вились, словно змеи, резиновые дорожки. Будто мостики, они соединяли между собой бесконечные, заполнявшие все пространство научные приборы и комплексы оборудования. Среди леса электроники усердно трудились тридцать – сорок сотрудников НАСА. Одетые в белое люди оживленно переговаривались, возбужденно обсуждая что-то. Рейчел сразу поняла настроение, царившее в зале. Оно было вызвано творческим волнением, радостью открытия.

Вместе с администратором Рейчел отправилась вдоль периметра зала. От нее не укрылись удивленные и откровенно неодобрительные взгляды тех, кто узнал сотрудницу НРУ и дочь известного сенатора. В гулком пространстве отчетливо раздавался шепот:

- Это что, дочка сенатора Секстона?
- Какого черта она здесь делает?
- Трудно поверить, что Экстрому не противно с ней разговаривать!

Рейчел не удивилась бы, увидев здесь изрезанные портреты своего отца. Однако тут ощущалась не только враждебность, но и настроение победителей, упивающихся своим превосходством, точно все твердо знали, кто на сей раз будет смеяться последним.

Администратор подвел гостью к ряду столов, из которых лишь один был занят: за ним сидел человек, погрузившись в работу на компьютере. Он был одет в черную водолазку, вельветовые, в широкий рубчик, брюки и тяжелые ботинки на толстой подошве. В отличие от остальных он не утепился соответственно обстоятельствам. Человек сидел спиной к подошедшим.

Администратор попросил Рейчел немного подождать, а сам подошел к нему, начав что-то объяснять.

Послушав с минуту, человек в водолазке кивнул и начал выключать компьютер. Администратор вернулся к гостье.

– Дальше вас поведет мистер Толланд, – пояснил он, – он тоже завербован президентом, поэтому вы поладите. А я присоединюсь к вам позже.

- Спасибо.
- Надеюсь, вы слышали о Майкле Толланде?

Рейчел пожала плечами, не переставая с интересом рассматривать все вокруг.

- Имя не слишком известное.

Человек в водолазке подошел, широко улыбаясь:

– Не слишком известное? – Голос звучал дружелюбно. – Это лучшая новость, которую я услышал за весь сегодняшний день. Но похоже, я уже утратил способность поражать с первого взгляда.

Рейчел взглянула на лицо подошедшего и едва не потеряла дар речи. На нее смотрел красивый, спортивного вида, мужчина, которого просто невозможно было не узнать. Его в Америке знали все.

– Ох! – не сдержавшись, произнесла она, пока ученый пожимал ей руку. – Так вы тот самый Майкл Толланд!

Когда президент сказал Рейчел, что собрал для подтверждения открытия авторитетных независимых ученых, она представила себе четырех старых зануд с программируемыми калькуляторами в руках. Но Майкл Толланд был совершенно иным. Один из самых известных людей в мире науки, он вел еженедельную документальную телепрограмму «Удивительные моря». Он знакомил зрителей с необычными океанскими явлениями: подводными вулканами, морскими червями длиной в десять футов, огромными, способными убить человека приливными волнами. Пресса видела в Майкле Толланде удачное сочетание лучших качеств Жака Кусто и Карла Сагана. Все наперебой воспевали его обширные и глубокие знания, искренний энтузиазм, страсть к приключениям. Считалось, что на этих китах держится интерес зрителей к программе: она прочно удерживала верхние позиции в рейтингах. Вдобавок большинство критиков не упускали возможности отметить также откровенно сексапильную внешность ученого и несомненную харизматичность его натуры. А это, подчеркивали они, особенно способствует его успеху у женской части аудитории.

– Мистер Толланд... – промямлила Рейчел растерянно. – Я – Рейчел Секстон.

Толланд одарил новую знакомую обворожительной, слегка плутовской улыбкой.

– Привет, Рейчел. Зови меня просто Майк.

Рейчел удивлялась собственной скованности. Это вовсе не было ей свойственно. Очевидно, давали себя знать и напряжение перелета, и обилие впечатлений: хабисфера, метеорит, обстановка секретности и вот наконец встреча нос к носу с этим телевизионным красавцем и умником.

– Честно говоря, я очень удивлена тем, что вы здесь, – призналась она, стремясь обрести привычную уверенность в себе. – Когда президент сказал, что набрал независимых ученых для подтверждения истинности открытия НАСА, я представила...

Она заколебалась, стоит ли продолжать.

– Настоящих ученых? – снова широко улыбнулся Толланд.

Рейчел покраснела, поняв свою оплошность и смутившись еще больше.

– Я не это имела в виду.

– Не волнуйтесь, – успокоил ее Толланд, – с самого приезда сюда я только и слышу подобные слова. А ваш отец – сенатор Секстон?

Рейчел молча кивнула. Ей очень хотелось добавить: «К сожалению».

– Шпионка из лагеря Секстона за линией фронта?

– Линия фронта далеко не всегда проходит там, где кажется.

Повисло неловкое, тяжелое молчание.

– Ну так объясните же мне, – попыталась исправить положение гостя, – что делает знаменитый океанограф здесь, на леднике, в компании космических исследователей НАСА?

Толланд издал странный, больше похожий на хихиканье звук.

– Честно говоря, один парень, очень похожий на президента нашей страны, попросил сделать ему одолжение. Я уже открыл было рот, чтобы смело отказаться и произнести «Пошел ты к черту!», но вместо этого почему-то проблеял «Хорошо, сэр».

Рейчел рассмеялась почти весело – впервые за все утро.

– Значит, мы из одного клуба.

Хотя обычно знаменитости в жизни оказываются ниже ростом, чем их себе представляешь, Майкл Толланд выглядел, напротив, высоким. Карие глаза смотрели так же живо, пронзительно и страстно, как и с телеэкрана, а голос звучал настолько же тепло и заинтересованно. Прямые непокорные черные волосы падали на лоб, заставляя его время от времени совершать быстрое характерное движение рукой. На вид этому человеку было лет сорок пять, причем он явно не проводил жизнь на диване: спортивный, подтянутый и энергичный облик определенно свидетельствовал о противоположном. Резко очерченный, волевой подбородок и свободные манеры говорили об уверенности в себе. Пожимая его руку, Рейчел не могла не отметить, что

ладонь телезвезды не мягкая и изнеженная, как можно было бы ожидать, а плотная, мозолистая и сильная, куда больше подходящая моряку и полевому исследователю.

– Вообще-то, – несколько расстроено признался Толланд, – мне кажется, я оказался здесь вовсе не как авторитетный ученый, а скорее как специалист по связям с общественностью. Президент попросил слетать сюда и смастерить для него документальный фильм.

– Документальный фильм? О метеорите? Но ведь вы океанограф!

– Вот-вот! Я пытался втолковать ему то же самое. Но он ответил, что не знает ни одного документалиста, специализирующегося на метеоритах. Зато мое участие позволит придать открытию широкий общественный резонанс. Не иначе как он собирается показать мою программу сегодня – как часть большой пресс-конференции, на которой объявит об открытии.

Телезвезда в роли сторонника-агитатора. Рейчел поняла, что политическая хитрость Зака Харни не дремлет. НАСА часто обвиняли в том, что оно смотрит на налогоплательщиков сверху вниз и не считается с необходимостью держать их в курсе своих дел. На сей раз этого не скажешь. Они привлекли искусного и страстного популяризатора науки, которого все американцы прекрасно знали и которому могли доверять в самых сложных и непонятных вопросах.

Толланд указал на противоположную стену зала. Там было организовано место для прессы. Лед застелен голубым ковром, длинный стол с несколькими микрофонами, прожектора, телекамеры – настоящая студия. Сейчас к стене за столом прикрепляли американский флаг, чтобы все сидящие оказались на его фоне.

– Готовят к сегодняшнему вечеру, – пояснил ученый. – Администратор НАСА и некоторые известные ученые страны свяжутся через спутник с Белым домом в прямом эфире – чтобы принять участие в президентском выступлении, намеченном на восемь часов.

Отлично, подумала Рейчел. Ей было приятно узнать, что Зак Харни запланировал участие в этом мероприятии представителей космического агентства.

– И все-таки, – вздохнув, произнесла она, – кто-нибудь объяснит мне толком, что же такое жутко сенсационное заключено в этом метеорите?

Толланд комично поднял брови и одарил новую знакомую загадочной улыбкой.

– Всю необычность этого метеорита лучше увидеть своими глазами, а не объяснять, – ответил он. Жестом он пригласил Рейчел следовать за ним и направился к рабочей зоне. – Вон тот парень как раз занимается образцами породы. Он сможет показать вам массу интересного.

– Образцами? У вас уже есть осколки метеорита?

– Именно так. Мы смогли добыть их в достаточном количестве. Если говорить точно, то именно анализ образцов и привел НАСА к мысли о важности открытия.

Не представляя, чего можно ожидать, Рейчел пошла вслед за своим гидом в рабочую зону. Казалось, там не было ни души. На столе, заваленном образцами породы, уставленном измерителями каверн, микроскопами и другим оборудованием, одиноко стояла чашка кофе. Из нее поднимался пар.

– Мэрлинсон! – крикнул Толланд, оглядываясь.

Ответа не последовало. Ученый разочарованно вздохнул и повернулся к спутнице:

– Наверное, он потерялся, отправившись искать сливки к кофе. Я вместе с этим парнем учился в аспирантуре в Принстоне, так он умудрялся заблудиться даже в общежитии. А теперь он лауреат Национальной научной премии по астрофизике. Величина!

Рейчел напряглась:

– Мэрлинсон? Вы, случайно, говорите не о знаменитом Корки Мэрлинсоне?

Толланд весело рассмеялся:

– Да-да, именно о нем, угадали!

Рейчел потрясенно замолчала. Потом наконец вновь обрела дар речи.

– Так что же, Корки Мэрлинсон здесь? – Идеи Мэрлинсона насчет природы гравитационных полей обрели громкую славу и признание среди инженеров и космических специалистов НРУ. – Мэрлинсон тоже состоит в команде, собранной президентом?

– Конечно. Он один из настоящих ученых в этой компании.

Действительно, настоящий, молча согласилась Рейчел. Она знала, что Корки Мэрлинсон – блестящий и всеми уважаемый физик.

– Корки живет парадоксальной жизнью, – заметил Толланд. – Самое интересное в нем то, что он с точностью до миллиметра помнит расстояние до Альфы Центавра, но не умеет самостоятельно завязать галстук.

– Вот потому-то и ношу галстуки на кнопках, – послышался за спиной чуть гнусавый, добродушный голос. – Наука превыше внешнего вида, Майк. Вы, голливудские звезды, этого, конечно, не понимаете.

И Рейчел, и Толланд обернулись к говорившему. Он как раз выходил из-за стеллажа, уставленного электронным оборудованием. Физик оказался невысоким, полным, немного напоминающим бульдога: такие же выпученные глаза, короткая толстая шея. Коротко подстриженные волосы уже редели. Увидев Рейчел, он остановился как вкопанный.

– Боже мой, Майк! Мы тут замерзаем на Северном полюсе, а он умудряется даже здесь отыскать себе подружку! Я всегда знал, что надо непременно засветиться в ящике!

Майкл Толланд выглядел чуть смущенным.

– Мисс Секстон, пожалуйста, постарайтесь не обижаться на доктора Мэрлинсона. Свою нетактичность он вполне компенсирует массой бесполезных, никому не нужных знаний о нашей великой и бескрайней Вселенной.

Корки подошел ближе:

– Искренне рад видеть вас, мисс. Простите, не расслышал ваше имя.

– Рейчел, – представилась гостя, – Рейчел Секстон.

– Секстон? – Корки шутливо закатил глаза и глубоко вздохнул, словно пытаясь прийти в себя. – Надеюсь, не родственница того самого недалёковидного и неразумного сенатора?

Толланд поморщился:

– Говоря по правде, Корки, сенатор Секстон – отец Рейчел.

Корки перестал веселиться и как-то сразу погрузился.

– Знаешь, Майк, думаю, не случайно мне так не везет в отношениях с дамами.

Глава 22

Всеми признанный и многократно увенчанный лаврами астрофизик Корки Мэрлинсон повел Рейчел и Толланда в свою святая святых. Подойдя к столу, он начал увлеченно перебирать образцы породы. Следить за движениями этого человека было чрезвычайно интересно: он напоминал плотно сжатую, готовую в любой момент выстрелить пружину.

– Ну вот, – не скрывая возбуждения, проговорил он, – мисс Секстон, сейчас вы услышите минутный вводный курс по теории метеоритов.

Толланд шутливо поморщился.

– Потерпите, – обратился он к Рейчел, – этот человек всю жизнь мечтает выступить на театральной сцене.

– Да-да, именно. А Майк всю жизнь мечтает стать уважаемым ученым. – С этими словами Корки начал перебирать содержимое коробки из-под обуви. Через несколько секунд он выложил на стол несколько камней. – Вот. Три основных типа метеоритов, встречающихся на планете Земля.

Рейчел внимательно взглянула на образцы. Все они были неправильными, корявыми сфероидными, а по размеру не крупнее мяча для гольфа. Каждый расщели пополам, чтобы исследовать внутреннее строение.

– Все метеориты, – пояснил Корки, – это различные сочетания железоникелевых сплавов, силикатов и сульфидов. Мы их классифицируем на основе соотношения металлов и силикатов.

Рейчел поняла, что вводный курс Мэрлинсона займет куда больше объявленной минуты.

– Вот этот самый первый образец, – продолжал Корки, показывая на блестящий угольно-черный камень, – метеорит с железной сердцевинкой. Жутко тяжелый. Парнишка приземлился в Антарктике всего несколько лет назад.

Рейчел внимательно рассмотрела метеорит. Он и в самом деле походил на инопланетянина: тяжеленный, напоминающий кусок сероватого железа. Внешний его слой обгорел и почернел.

– Обгоревший верхний слой называется коркой сплава, – пояснил Корки, – она образуется в результате нагревания до исключительно высоких температур – ведь метеорит летит сквозь плотные слои атмосферы. Все метеориты имеют такую корку.

Ученый быстро взял другой образец.

– А вот этот мы называем каменно-железным метеоритом.

Рейчел рассмотрела образец. Он тоже был обугленным снаружи.

Однако этот камешек казался зеленоватым, а внутреннее сечение выглядело словно набор цветных остроугольных кусочков, напоминающих картинку калейдоскопа.

– Как красиво! – не сдержала она восхищения.

– Шутите?! Это не просто красиво. Это великолепно, потрясающе!

С минуту Корки рассуждал о высоком содержании оливина, дающего зеленый оттенок. Наконец он театральным жестом протянул гостье третий, последний образец.

Рейчел держала на ладони камень серо-коричневого цвета, немного похожий на гранит. Он был явно тяжелее обычного камня такого же размера, поднятого с земли, однако ненамного. Единственное, что указывало на его внеземное происхождение, – это корка сплава, обожженная поверхность.

– Этот, – коротко пояснил Корки, – называется каменным метеоритом. Он наиболее распространен. Больше девяноста процентов всех метеоритов, найденных на Земле, относятся именно к этой категории.

Рейчел не смогла сдержать удивления. Метеориты всегда представлялись ей похожими на первый из образцов – металлические, явно неземные куски породы. Но то, что она держала

сейчас на ладони, внешне меньше всего подразумевало внеземное происхождение. Если бы не обугленный внешний слой, то камешек вполне можно было бы принять за самый обычный прибрежный голыш.

Глаза Корки сияли торжеством и возбуждением.

– Тот метеорит, который сейчас покоится во льдах под нами, как раз относится к каменным породам. Он очень похож на этот камешек, который вы сейчас держите. Каменные метеориты выглядят почти так же, как наши земные камни. Поэтому их трудно отыскать. Обычно они сочетают в себе легкие силикаты: полевой шпат, оливин, пироксен. Ничего особо выдающегося.

– Интересно, – задумчиво сказала Рейчел, отдавая ему образец, – этот камень выглядит так, словно кто-то положил его в камин и обжег.

Корки рассмеялся:

– Черта с два камин! Даже самая мощная доменная печь не в состоянии создать температуру, которую испытывает метеорит, проходя сквозь плотные слои атмосферы. Это просто кошмарные величины!

Толланд сочувственно улыбнулся Рейчел:

– Каков актер, а?

– Представьте себе, – продолжал Корки, принимая из рук гостя образец, – на секунду вообразите, что этот малыш имеет размеры... ну, примерно с дом или около того. – Он поднял камешек над головой. – Ну вот... Он летит в космосе... пролетает по нашей Солнечной системе... Он ужасно замерз, потому что температура там около минус ста по Цельсию.

Толланд посмеивался в душе. Он, разумеется, видел раньше, как Корки изображает падение метеорита на остров Элсмир.

Ученый начал опускать камень.

– Наш метеорит приближается к Земле... он оказывается все ближе и ближе, попадает в сферу земного притяжения... летит все быстрее, быстрее...

Рейчел с интересом наблюдала, как Мэрлинсон все быстрее опускает образец, имитируя действие закона гравитации.

– И вот он мчится уже с бешеной скоростью! – воскликнул ученый. – Больше десяти миль в секунду – тридцать шесть тысяч миль в час! Только представьте! В ста тридцати пяти километрах над поверхностью Земли метеорит начинает испытывать атмосферное трение. – Корки потряс камень. – А оказавшись ниже ста километров, он начинает светиться! Книзу плотность атмосферы повышается, и трение становится просто невероятным! Воздух вокруг метеорита раскаляется, а его поверхность плавится от страшной жары! – Корки начал издавать забавные звуки, изображая, как плавится метеорит. – Вот он падает ниже восьмидесяти километров, и поверхность его нагревается выше тысячи восьмисот градусов Цельсия!

Рейчел с любопытством смотрела, как всеми уважаемый, приглашенный самим президентом астрофизик все сильнее трясет камень, издавая смешные звуки, словно мальчишка, играющий в машинки.

– Шестидесят километров! – Теперь Корки кричал. – Наш метеорит достигает границы стратосферы. Воздух слишком плотен для него. Он резко тормозит, с силой, в триста раз превышающей силу земного притяжения! – Корки закричал, изображая звук тормозов, и театрально замедлил движение камня. – В один миг метеорит остывает и прекращает светиться. И на Землю падает черным. Поверхность его застывает – из расплавленной массы она превращается в обугленную корку сплава.

Рейчел услышала, как тихонько застонал Толланд, предвкушая исполнение Мэрлинсоном последнего акта драмы – приземления метеорита и удара его о поверхность нашей планеты. Войдя в роль, ученый даже присел на корточки, скорчившись и явно очень сочувствуя пришельцу из космоса.

– Ну вот, – продолжал Корки, – наш огромный камень продирается сквозь нижние слои атмосферы... – Опустившись на колени, он рукой описал в воздухе дугу. – Направляется прямо к Северному Ледовитому океану... скользит... падает... кажется, сейчас он пролетит мимо океана... падает... и... – Он наконец с силой воткнул образец в лед. – Бамм!

Рейчел невольно вздрогнула.

– Удар оказывается потрясающе сильным! Метеорит взрывается. Куски его разлетаются, проносясь над океаном. – Теперь Корки начал медленно кружиться, словно перекачивая камень по невидимому океану к ногам Рейчел. – Один из осколков несется по направлению к острову Элсмир. Выскакивает из океана, попадает на землю... – Корки поднял камень над ногами Рейчел, а потом положил его у самой ступни. – И вот наконец наш странник находит покой на ледовом шельфе Милна, снег и лед быстро покрывают его, защищая от разрушительного воздействия атмосферы.

Закончив представление, Корки с улыбкой выпрямился.

У Рейчел пересохло во рту. Она рассмеялась, даже не пытаясь скрыть впечатление:

– Ну, доктор Мэрлинсон, должна признаться, что это объяснение исключительно...

– Наглядное? – предложил слово Корки.

Рейчел кивнула:

– Именно так.

Корки протянул ей камень:

– Посмотрите на срез.

Гостья с минуту внимательно разглядывала образец, не замечая в нем ровным счетом ничего необычного.

– Поднесите поближе к свету, – посоветовал Толланд. Голос его звучал тепло, дружески. – И посмотрите повнимательнее.

Рейчел поднесла камень поближе к глазам и повертела его в лучах мощных сияющих галогеновых ламп. Теперь она хорошо различала в срезе блестящие крошечные металлические вкрапления. Они усеивали все поперечное сечение, словно капли ртути. Каждая точка была не больше миллиметра в диаметре.

– Эти вкрапления называются хондрами, – пояснил Корки, – и встречаются они исключительно в метеоритах.

Рейчел прищурилась, пытаясь получше рассмотреть вкрапления.

– Должна признаться, в жизни не встречала ничего подобного в земных камнях!

– И не встретите никогда! – торжествующе провозгласил Корки. – Хондры – геологическая структура, которую на нашей планете встретить просто невозможно. Некоторые из хондр, особенно древние – возможно, они состоят из самых первых пород во Вселенной. Другие гораздо моложе, как в этом камне, который вы держите. Хондры в этом метеорите насчитывают всего-то сто девяносто миллионов лет.

– Сто девяносто миллионов лет – это мало?

– Черт подери, конечно! Для космоса и его временных рамок это просто вчера! Смысл, однако, в том, что этот метеорит вообще содержит хондры – геологическое свидетельство его происхождения.

– Хорошо, – согласилась Рейчел. – Хондры решают все. Согласна.

– И наконец, – вздохнув, заключил Корки, – если корка сплава и хондры кажутся вам недостаточно убедительными, то мы, астрономы, обладаем еще одним неопровержимым доказательством его метеоритного происхождения.

– А именно?

Корки небрежно пожал плечами:

– Мы используем петрографический поляризационный микроскоп, рентгеновский спектрометр свечения, анализатор нейтронной активности или же индукционно-плазменный спектрометр, измеряющий ферромагнитное отношение.

Толланд громко застонал:

– Ну вот, теперь он начинает еще и задаваться! Корки говорит, мы можем доказать, что камень является метеоритом, просто исследовав его химический состав.

– Эй ты, океанский парень! – не выдержал Корки. – Давай оставим науку тем, кто ею занимается, хорошо? – Он снова повернулся к Рейчел: – В земных камнях такой минерал, как никель, встречается или в очень больших, или в очень малых количествах. Третьего не дано. В метеоритах же содержание никеля обычно занимает среднюю позицию. Поэтому если проанализировать образец и при этом обнаружить, что содержание никеля в нем находится на среднем уровне, то можно с уверенностью утверждать, что образец представляет собой именно метеорит.

Рейчел ощутила легкое раздражение.

– Прекрасно, джентльмены! Корки сплава, хондра, средний уровень содержания никеля – все это определенно доказывает, что камень прилетел к нам из космоса. Я четко представляю себе всю картину. – Она положила образец на стол Мэрлинсона. – Но почему все-таки я здесь?

Корки выразительно вздохнул:

– А вам не хочется увидеть образец метеорита, который лежит как раз под нами?

– С удовольствием, только желательно еще до того, как я здесь умру.

На этот раз Корки запустил руку в нагрудный карман и достал маленький плоский камешек. По форме он напоминал компакт-диск толщиной примерно в полдюйма, а по составу, на глаз, был похож на тот самый метеорит, который только что разглядывала Рейчел.

– Это образец породы, который мы высверлили только вчера.

Корки протянул диск Рейчел.

Ничего необычного. Оранжево-белый тяжелый камень. Часть ободка оказалась черной, обожженной – очевидно, это была внешняя сторона метеорита.

– Вижу корку сплава, – с ученым видом заявила Рейчел.

Корки кивнул:

– Именно так. Образец высверлили с края породы, поэтому на нем корка.

Рейчел повернула диск к свету и разглядела крошечные металлические вкрапления.

– И хондры тоже вижу, – заметила она.

– Хорошо! – похвалил Корки звенящим от волнения голосом. – А я могу подтвердить, что результаты спектрографического анализа показали именно средний уровень содержания никеля – ничего общего с породами нашей планеты. Поздравляю вас, вы только что подтвердили, что камень, который вы держите в руках, прилетел из космоса.

Рейчел посмотрела на ученого несколько растерянно:

– Доктор Мэрлинсон, но это же метеорит. Он и должен прилететь из космоса – по определению. Может быть, я просто чего-то не понимаю?

Толланд и Корки обменялись взглядами, словно заговорщики. Толланд положил руку на плечо гостьи и прошептал ей в самое ухо:

– Переверните его.

Рейчел внимательно посмотрела на обратную сторону. Ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы осознать увиденное. Словно гром грянул среди ясного неба.

– Невероятно, невозможно! – выдохнула она.

Однако, продолжая рассматривать образец, Рейчел четко понимала, что само значение этих слов изменилось навсегда. В камне ясно отпечатался след, который на земной породе был бы вполне обычным, но в метеорите его трудно было представить.

– Но ведь это... – Рейчел запнулась, почти не в силах выговорить слово. – Это же... жук! В метеорите отпечаток ископаемого жука!

И Толланд, и Мэрлинсон сияли.

– Добро пожаловать в нашу компанию! – весело приветствовал изумление гостьи Корки.

Буря чувств, мгновенно захлестнувших Рейчел, лишила ее дара речи. Но даже в своем потрясении она ясно видела, что отпечаток, вне всякого сомнения, когда-то оставил живой организм. Окаменевший отпечаток занимал в длину примерно три дюйма и представлял собой след брюшка какого-то большого жука или другого ползающего насекомого. Семь пар членистых ног, выходящих из нижнего покрова, который, подобно панцирю броненосца, состоял из отдельных сегментов.

У Рейчел внезапно закружилась голова.

– Насекомое из космоса...

– Это создание относится к классу равноногих, – пояснил Корки. – У насекомых три пары ног, а не семь.

Но гостья даже не слышала его разъяснений. Она внимательно разглядывала окаменелость, не в силах произнести ни слова.

– Вы, конечно, видите, – продолжал ученый, – что брюшко разделено на отдельные сегменты, как и у земного жука. И все же два ясно различимых, похожих на хвосты отростка говорят о близости этого существа к земным вшам.

Рейчел было все равно: какая разница, как именно классифицировать жука? Фрагменты головоломки теперь сами вставали на свои места: обстановка секретности, которую создавал президент, возбуждение, царившее среди сотрудников НАСА...

В этом метеорите ископаемое животное! Окаменелость! Даже не намек на бактерию или микроб, а вполне развитая биологическая форма! Доказательство того, что где-то еще во Вселенной существует жизнь!

Глава 23

После десяти минут дебатов на Си-эн-эн сенатор Секстон начал удивляться, не понимая, с какой стати он вообще волновался. Марджори Тенч с очевидностью опровергала ту молву, которая упорно превозносила ее необычайные способности. Как оппонент она вовсе не поражала. Несмотря на приписываемую ей проницательность и безжалостную критичность, Тенч куда больше напоминала жертвенного агнца, явно не дотягивая до звания достойного соперника. В самом начале разговора мадам старший советник президента еще как-то пыталась завоевать преимущество, осуждая выступления сенатора против абортот. Аргументы были не новы: Секстон не думает о женщинах и стремится к ущемлению их прав. Но в ходе дискуссии, когда уже казалось, что перевес на ее стороне, Марджори вдруг допустила досадную оплошность. Расспрашивая оппонента, каким именно способом он планирует улучшить систему образования, не поднимая налоги, она вдруг неосторожно намекнула на его постоянное бурчание насчет расходов НАСА.

Тему НАСА Секстон собирался затронуть ближе к концу дискуссии, но Тенч подняла ее слишком рано. Дура!

– Кстати, о НАСА, – небрежно вставил он. – Не могли бы вы прокомментировать стремительно распространяющиеся слухи об очередной неудаче, постигшей наше уважаемое космическое агентство?

Марджори Тенч и глазом не моргнула.

– Боюсь, что не в курсе этих слухов.

Прокурорский голос шелестел, словно папиросная бумага.

– Значит, без комментариев?

– Боюсь, что так.

Секстон торжествовал. На языке прессы «без комментариев» означало признание вины, подразумеваемой в вопросе.

– Понятно, – взбодрился сенатор, – а что вы скажете насчет тайной встречи президента с администратором НАСА?

На сей раз, казалось, Тенч удивилась.

– Я не очень понимаю, о какой именно встрече вы изволите говорить. Президент проводит множество встреч.

– Ну разумеется. – Секстон решил идти напролом. – Мисс Тенч, вы ведь ярая сторонница космического агентства, правда?

Тенч вздохнула, словно устав от обсуждения любимой темы сенатора.

– Я верю в важность сохранения технологических преимуществ Америки, будь то военная, промышленная, научная сфера или область телекоммуникаций. И НАСА, несомненно, представляет собой часть этого техногенного комплекса. Да, именно так.

Посмотрев через стекло в комнату режиссера, где сидела Гэбриэл Эш, Секстон увидел, что ассистентка посылает ему умоляющие взгляды, словно упрашивая отступить, закрыть опасную тему. Но было уже поздно. Сенатор почувствовал вкус крови.

– Все-таки интересно, мадам, не под вашим ли влиянием президент упорно продолжает поддерживать эту умирающую организацию?

Тенч решительно покачала головой:

– Нет. Президент и сам искренне верит в возможности НАСА. И уж, разумеется, решения он принимает самостоятельно.

Секстон не верил собственным ушам. Он только что предоставил советнику шанс частично оправдать президента, взяв на себя долю вины за финансирование НАСА. А вместо этого она отбила мяч в сторону Харни. «Президент сам принимает решения». Неужели Тенч

решила дистанцироваться от неудачно повернувшейся избирательной кампании? Ничего удивительного. Ведь когда пыль осядет, Марджори Тенч придется подыскивать себе работу.

В течение следующих нескольких минут сенатор Секстон и старший советник президента Марджори Тенч обменивались репликами, словно ударами на теннисном корте. Тенч попыталась было сменить тему, но сенатор не поддался, вновь вернувшись к теме бюджета НАСА.

– Сенатор, стремясь урезать бюджет НАСА, вы представляете себе, сколько рабочих мест потеряет наша страна? – Советник выдвинула сильный аргумент. – Притом не просто рабочих мест, а требующих самой высокой квалификации, долгих лет учебы и научной работы!

Секстон едва не рассмеялся в лицо этой женщине. Неужели это и есть самая умная голова в Вашингтоне? Ей, несомненно, предстоит еще многое узнать о демографической ситуации в стране. Профессионалы высоких технологий представляли собой крошечную долю от общей численности занятого в техносфере населения Америки, всех тех, кого называют «голубыми воротничками».

Секстон даже надулся от важности.

– Сейчас мы говорим о миллиардах экономии, Марджори. И если в конце концов кучке ученых из НАСА придется сесть в «БМВ» и отвезти свои драгоценные знания в какое-то другое место, то пусть так и случится. Я намерен твердо придерживаться своей позиции в отношении расходов НАСА.

Марджори Тенч замолчала, словно пытаясь оправиться от этого последнего тычка.

Ведущий Си-эн-эн не выдержал.

– Мисс Тенч, ваша реакция, – подсказал он.

Помолчав, дама откашлялась и заговорила:

– Наверное, я просто слишком удивилась, услышав, что мистер Секстон намерен так твердо противопоставить себя НАСА.

Секстон прищурился. «Хорошо, милая, хорошо!»

– Я вовсе не против НАСА и не согласен с подобным обвинением. Я лишь утверждаю, что бюджет агентства показателен как пример бездумных, ненужных затрат, которые поддерживает нынешний президент. НАСА заявило, что может построить корабль многоразового использования стоимостью в пять миллиардов долларов. На самом деле он обошелся в двенадцать миллиардов. Потом они говорят, что могут построить космическую станцию за восемь миллиардов. Сейчас в нее уже вложено сто миллиардов.

– Америка потому и лидирует, – возразила советник, – что мы не боимся ставить перед собой значительные цели и достигать их даже в сложных обстоятельствах.

– Эта риторика в духе национальной гордости вовсе на меня не действует, мисс Тенч. За последние два года НАСА уже в три раза превысило свой бюджет. А потом, поджав хвост, приползло к президенту, чтобы выпросить дополнительные суммы... Если вы хотите говорить о национальной гордости, то лучше подумайте о хороших, оснащенных всем необходимым школах. Вспомните об охране здоровья нашего населения. О тех умненьких детках, которые подрастают в стране равных возможностей. Вот на что должна опираться национальная гордость!

Тенч взглянула на оппонента с вызовом:

– А могу я задать вам прямой вопрос, сенатор?

Секстон ничего не ответил. Он просто ждал продолжения.

Она заговорила медленно, словно смакуя каждое слово:

– Так вот, сенатор, если бы я сказала вам, что мы не в состоянии исследовать космическое пространство, затрачивая меньшие средства, чем те, которые НАСА получает сейчас, вы бы полностью отказались от космического агентства?

Вопрос прозвучал так, словно на глазах всей страны на колени сенатору положили огромный булыжник. Может быть, Тенч не так уж и глупа? Она усыпила бдительность оппонента и

тут же поставила перед ним прямой, требующий однозначного – да или нет – ответа вопрос. Настал миг раз и навсегда определить свою позицию по этой важнейшей проблеме.

Секстон инстинктивно попытался отступить:

– Не сомневаюсь, что при должном руководстве НАСА окажется в состоянии продолжать свои исследования со значительно меньшими затратами, чем те, которые имеют место сейчас...

– Сенатор Секстон, ответьте, пожалуйста, на вопрос. Исследование космоса – дело опасное и дорогое. Очень похоже на строительство пассажирского самолета. Надо или делать его как следует, или же не делать вовсе. Риск слишком велик. Мой вопрос все-таки остается: если вы станете президентом и окажетесь перед необходимостью принять решение: продолжать финансировать НАСА на нынешнем уровне или же полностью отменить космическую программу, что вы тогда предпочтете?

Черт! Секстон сквозь стекло взглянул на Гэбриэл. Выражение лица ассистентки говорило о том, что сенатор и так уже понял. Его приперли к стенке. Необходимо отвечать прямо, а не юлить. Выхода нет. Секстон решительно поднял голову:

– Да. В таком случае я перевел бы средства НАСА в образовательную систему. Именно такое решение я бы принял. Космосу я предпочел бы наших детей.

На лице Марджори Тенч появилось выражение шокированности.

– Я поражена. Может быть, я ослышалась? Став президентом, вы собираетесь направить свои усилия на уничтожение космических исследований в нашей стране?

Секстон чувствовал, что закипает. Он попытался возразить, но советник продолжала гнуть свое:

– Итак, вы хотите сказать, сенатор, здесь, в прямом эфире, что готовы запросто разделиться с тем самым агентством, которое послало человека на Луну?

– Я пытаюсь доказать, что вся эта космическая возня и мировое соперничество устарели и никому не нужны! Времена изменились. НАСА уже не играет определяющей роли в жизни рядовых американцев, тем не менее мы продолжаем финансировать его, как будто ничего не произошло.

– Значит, вы не считаете, что в космосе заключено наше будущее?

– Разумеется, космос – это будущее, однако НАСА – истинный динозавр! Пусть изучением космического пространства занимается частный сектор. Американские налогоплательщики вовсе не должны опустошать свои кошельки всякий раз, когда какой-нибудь вашингтонский инженер захочет сделать фотографию Юпитера стоимостью в миллиард долларов. Американцы устали от необходимости продавать будущее собственных детей, чтобы кормить ненасытное обезумевшее агентство, которое так мало дает взамен!

Тенч театрально вздохнула:

– Так мало дает взамен? Но ведь за исключением отдельных программ, в частности, проекта поиска внеземных цивилизаций, НАСА обычно получает огромные дивиденды на вложенные средства.

Секстон поразился тому, что Тенч признала безуспешность отдельных программ. Какая оплошность! Ну, спасибо ей, что напомнила. Этот проект в свое время оказался самой страшной финансовой ямой, в которую провалилось НАСА. И хотя в настоящее время ученые пытались как-то реанимировать программу, изменив название и грубо перетасовав некоторые ее задачи, все равно она оставалась той же самой неудачной игрой.

– Марджори, – Секстон решил, что просто грех упустить представившуюся возможность, – я буду говорить об этом проекте лишь потому, что вы сами упомянули его.

Странно, но, казалось, Тенч с удовольствием услышала эти слова.

Секстон откашлялся.

– Многие люди и не подозревают, что НАСА занимается поисками внеземных цивилизаций на протяжении вот уже почти тридцати пяти лет. Причем эта охота за сокровищами дорого

стоит: системы спутниковых антенн, мощные передатчики, миллионы долларов на зарплату ученым, которые сидят в темных комнатах, упорно прослушивая пустые пленки. Но все это лишь трата денег.

– И вы считаете, что во всем этом нет абсолютно ничего?

– Я считаю, что если правительство за тридцать пять лет истратило сорок пять миллиардов долларов и не получило ни единого положительного результата, то проект должен был быть уничтожен еще давным-давно. – Секстон сделал паузу, чтобы смысл утверждения дошел до всех и каждого. – После тридцати пяти лет безуспешных попыток нам вряд ли уже удастся обнаружить жизнь где-нибудь за пределами Земли.

– Ну а если вы все-таки ошибаетесь?

Секстон закатил глаза.

– О, ради Бога, мисс Тенч! – раздосадованно воскликнул он. – Если я вдруг окажусь не прав, то готов съесть собственную шляпу.

– Я постараюсь запомнить ваши слова, сенатор. – Марджори Тенч впервые за все время дискуссии улыбнулась. – И думаю, что и все остальные тоже запомнят.

На расстоянии шести миль от студии, в Овальном кабинете, президент Зак Харни выключил телевизор и налил себе виски. Как и обещала Марджори, сенатор Секстон клюнул; ну а дальше все просто – крючок, леска, ведерко...

Глава 24

Майкл Толланд и сам чувствовал, как неудержимо сияет – такое впечатление производил на него вид потрясенной Рейчел Секстон, застывшей с куском метеорита в руке. Красивое лицо этой умной и привлекательной женщины сейчас словно окуталось дымкой изумления. На нем появилось выражение недоверчивого восторга: маленькая девочка впервые в жизни увидела Санта-Клауса.

Майклу хотелось рассказать, как он понимает ее чувства, ее полную растерянность.

Всего двое суток назад Толланд испытал аналогичное потрясение. Он тоже долго молчал, не в силах найти подходящие слова. И даже сейчас еще научные и философские последствия этого открытия обескураживали его, заставляя заново обдумывать все, что он знал о природе.

Перечень океанографических открытий самого Толланда включал несколько ранее неизвестных глубоководных видов. Но этот «космический жук» представлял собой совершенно иной уровень научного прорыва. Несмотря на упорное стремление Голливуда изображать инопланетян в виде маленьких зеленых человечков, и астробиологи, и популяризаторы науки сошлись во мнении, что если жизнь вне Земли будет когда-нибудь обнаружена, то ее представителями окажутся именно жуки. В пользу этой теории свидетельствовали разнообразие видов и способность к адаптации наземных насекомых.

Насекомые принадлежат к классу существ с внешним скелетом и членистыми ногами. В мире насчитывается примерно миллион двести пятьдесят тысяч видов, около пятисот тысяч из которых все еще ожидают соответствующей классификации. Они составляют девяносто пять процентов всех земных видов вообще и сорок процентов биомассы планеты.

Но еще большее впечатление, чем изобилие насекомых, производит их многообразие и адаптивность. От антарктического ледового жука до солнечного скорпиона, обитающего в Долине Смерти, все они прекрасно переносят невероятные температуры, засуху и давление. Они даже научились приспосабливаться к самой смертоносной из всех известных на Земле сил – к радиации. После ядерных испытаний 1945 года военные надевали защитные скафандры и изучали последствия взрыва, при этом обнаруживая, что и тараканы, и муравьи чувствуют себя прекрасно, так, словно ничего не произошло. Астрономы пришли к выводу, что членистоногие, имеющие защитный панцирь, – чрезвычайно подходящие кандидаты на заселение бесчисленных радиоактивных планет, где ничто иное просто не имеет возможности выжить.

Толланд не мог не согласиться с астрономами. Действительно, жизнь вне Земли должна существовать в форме жуков.

У Рейчел подкашивались ноги.

– Я... я не могу поверить, – пролепетала она, не выпуская из рук кусок метеорита. – Никогда не думала...

– Не спешите. Должно пройти некоторое время, прежде чем потрясение уляжется, – улыбаясь, посоветовал Толланд. – Мне лично потребовались сутки, чтобы почувствовать, что снова твердо стою на ногах.

– Вижу, у нас новенькие, – вступил в разговор подошедший человек азиатской внешности и нехарактерного для людей его расы высокого роста.

Увидев его, и Корки, и Майкл моментально сникли. Волшебный миг исчез бесследно.

– Доктор Уэйли Мин, – представился незнакомец, – главный палеонтолог проекта.

Главный палеонтолог держался прямо и гордо, с церемонностью аристократа эпохи Возрождения. Он, очевидно, имел привычку поглаживать свой галстук-бабочку. Под длинным, до колен, жакетом из верблюжьей шерсти тот выглядел совершенно неуместно. Впрочем, Уэйли

Мин явно старался не позволить таким мелким обстоятельствам повредить своему безукоризненно аристократическому облику.

– Меня зовут Рейчел Секстон.

Пожимая гладкую мягкую ладонь Мина, Рейчел почувствовала, что дрожь в руке еще не унялась. Мин, конечно, был еще одним из независимых специалистов, которых собрал здесь президент.

– Я к вашим услугам, мисс Секстон, – рассыпался в любезностях палеонтолог, – готов рассказать об этих окаменелостях все, что угодно... все, что захотите узнать.

– А кроме того, еще и массу всего, чего не захотите, – проворчал Корки.

Мин снова погладил галстук-бабочку.

– Моя специализация в палеонтологии – исчезнувшие виды членистоногих. Конечно, самой впечатляющей характеристикой этих организмов является...

– Является то, что они прилетели с другой планеты, – вставил Корки.

Мин зло взглянул на встречающего в разговор товарища и откашлялся.

– Так вот, самой впечатляющей характеристикой этого организма является то, что он совершенно точно вписывается в систему земной таксономии и классификации.

Рейчел подняла взгляд на ученого. Неужели им удастся классифицировать эту штуку?

– Вы имеете в виду вид, тип и все такое?

– Именно, – подтвердил Мин. – Найденный в земных условиях, этот образец был бы отнесен к классу равноногих и попал бы в одну семью с двумя тысячами разнообразных типов вшей.

– Вшей? – не поверила ушам Рейчел. – Но ведь он же огромный!

– Таксономия не принимает в расчет размер животного. Домашние кошки и тигры – близкие родственники. Образцы классифицируются согласно их физиологии. А с этой точки зрения наш образец, несомненно, относится к отряду вшей: смотрите, он имеет плоское тело, семь пар ног и репродуктивную сумку, то есть совершенно идентичен лесным вшам, навозным жукам и подобным близким родственникам. Другие же окаменелости ясно отображают более специализированную...

– Другие окаменелости?

Мин многозначительно посмотрел на Корки и Толланда:

– Она что, не знает?

Толланд покачал головой.

Глаза Мина загорелись.

– Мисс Секстон, оказывается, вы еще многого не слышали.

– Есть и другие отпечатки, – вступил в разговор Мэрлинсон, стараясь отобрать пальму первенства у Мина, – причем очень много.

Корки достал из ящика большой конверт, а из него сложенную в несколько раз распечатку рентгеновского снимка. Положил ее на стол перед Рейчел.

– Просверлив отверстия, мы погрузили в метеорит рентгеновскую камеру. Вот графическое изображение поперечного сечения.

Рейчел внимательно посмотрела на лежащую перед ней распечатку. Пришлось тут же сесть, чтобы не упасть. Срез метеорита оказался буквально напичкан отпечатками.

– Палеонтологические свидетельства обычно встречаются в значительной концентрации, – заметил Мин. – Это объясняется тем, что зачастую грязевые потоки, сели и другие стихийные явления захватывают целые скопления организмов – гнезда или даже сообщества.

Корки ухмыльнулся:

– Нам кажется, коллекция, заключенная в метеорите, представляет собой гнездо. – Он показал на отпечаток одного, очень крупного, жука: – Вот матка.

Рейчел присмотрелась и буквально раскрыла рот от изумления. Жук имел в длину около двух футов.

– Немаленькая вошка, правда? – довольным тоном поинтересовался Мэрлинсон.

Рейчел молча кивнула: дара речи она давно лишилась. Она живо представила себе, как по неведомой далекой планете бродят вши размером с рождественский пирог.

– На нашей планете, – заметил Мин, – жуки остаются сравнительно небольшими, поскольку им не дает расти сила притяжения. Они не могут вырасти больше, чем им позволяет их внешний скелет. Однако вполне можно представить, что на планете с меньшей гравитацией насекомые способны достичь куда больших размеров.

– Вообразите только, что вас кусают комарики величиной с кондоров, – пошутил Мэрлинсон, забирая из руки Рейчел камень с отпечатком, который она все еще крепко сжимала, и опуская его себе в карман.

Мин не оставил без внимания его движение.

– Ты бы не прикарманивал образцы! – полушутя-полусерьезно сказал он.

– Успокойся! У нас этого добра еще целых восемь тонн, – беззлобно огрызнулся астрофизик.

Аналитический ум Рейчел жадно переваривал полученную информацию.

– Каким же образом жизнь из глубокого космоса может в столь значительной степени походить на земную? Я имею в виду ваши слова о том, что эти жуки соответствуют нашей земной классификации.

– Полностью соответствуют, – подтвердил Корки. – Хотите верьте, хотите нет, но многие астрономы предрекали, что внеземная жизнь окажется очень похожей на жизнь на Земле.

– Почему же? – настаивала Рейчел. – Как такое может случиться? Эти образцы жили в совершенно ином окружении.

Широко улыбаясь, Мэрлинсон произнес одно-единственное мудреное слово:

– Панспермия.

– Простите?

– Теория панспермии утверждает, что жизнь на Земле была посеяна из космоса.

Рейчел поднялась:

– По-моему, я что-то...

Мэрлинсон повернулся к Толланду:

– Майк, давай! Ты же у нас главный специалист по первобытному океану.

Толланд, казалось, был счастлив завладеть инициативой.

– Когда-то жизни на Земле не было, Рейчел. А потом внезапно, буквально в момент, за одну ночь, она появилась. Многие биологи считают, что подобный взрыв оказался результатом идеального сочетания элементов в первобытных морях. Однако нам так и не удалось воспроизвести эту ситуацию в лабораторных условиях, а потому богословы ухватились за наш провал как за доказательство существования высших сил, божественного провидения. Они утверждали, что жизнь не могла существовать, пока Бог не дотронулся до первобытного океана и не насытил его жизнью.

– Но мы, астрономы, – провозгласил Корки, – предложили иное объяснение внезапному взрыву жизни на Земле.

– Панспермия, – повторила Рейчел, теперь уже понимая, о чем идет речь.

Она и раньше слышала о теории панспермии, хотя не имела понятия, в чем ее смысл. Теперь выходит, что жизнь – это следствие падения метеорита в первобытный океан, в результате чего на Земле появились первые микроорганизмы.

– Они проникли к нам, – добавил Корки, – и начали развиваться.

– И если это соответствует действительности, – вставила Рейчел, – то формы, которые существовали до появления жизни на Земле и вне ее, должны быть идентичными земным.

– Именно так, – похвалил ученицу астрофизик.

Панспермия, мысленно повторила Рейчел, все еще с трудом представляя себе эту картину.

– Значит, эти окаменелости подтверждают не только то, что жизнь существует где-то еще во Вселенной, но они практически доказывают панспермию... то есть теорию о том, что жизнь была занесена к нам откуда-то извне.

– И снова верно! – Корки энергично кивнул. – Говоря по правде, мы все вполне можем оказаться инопланетянами.

Он приставил руки к голове в виде двух антенн, скосил к переносице глаза и высунул язык, изображая пришельца из космоса.

Толланд посмотрел на Рейчел и широко, словно перед телевизионной камерой, улыбнулся:

– Ну а этот парень представляет собой вершину нашей эволюции.

Глава 25

Рейчел Секстон медленно шла по хабисфере рядом с Майклом Толландом. Мэрлинсон и Мин отстали на пару шагов. В голове у агента НРУ царил туман, окутавший мысли дымкой неопределенности.

– С вами все в порядке? – участливо поинтересовался Толланд.

Рейчел взглянула на него и слабо улыбнулась:

– Да, спасибо. Просто... так много всего.

Она вернулась мыслями к печально знаменитому открытию НАСА 1996 года, носящему кодовое название ALH84001, – оно представляло собой метеорит с Марса, который, как считало космическое агентство, содержал окаменелые следы бактерий. Однако всего через несколько недель после триумфальной пресс-конференции, устроенной руководителями НАСА, несколько независимых ученых выступили с убедительным опровержением. Они доказали, что «следы жизни», обнаруженные в камне, на самом деле были не более чем результатом земного загрязнения. Доверие к компетентности НАСА оказалось подорвано. Газета «Нью-Йорк таймс» немедленно воспользовалась этим, обвинив агентство в обнародовании «не всегда проверенных данных».

В том же самом издании, которое напечатало опровержение ученых, палеобиолог Стивен Джей Гулд обобщил проблему ALH84001, указав на тот факт, что аргументы НАСА носили скорее полемический и логический характер и не были «истинными», как, например, не вызывающие сомнения кость или раковина.

Но теперь не оставалось ни малейшего сомнения, что НАСА удалось наконец обнаружить самые надежные доказательства. Ни один, даже самый скептически настроенный, ученый не мог выступить с опровержением этих свидетельств. НАСА уже не раздувало какие-то непонятные и туманные домыслы, не пыталось строить аргументацию на основе увеличенных фотографий якобы обнаруженных микроскопических бактерий. Агентство предоставляло самые настоящие образцы метеорита, в которых невооруженным глазом можно разглядеть отпечатки биологических организмов. Надо же! Равноногая вошь! Ни много ни мало!

Рейчел усмехнулась: подростком она обожала песню Дэвида Боуи, в которой речь шла о «пауках с Марса». Разве можно было предугадать, насколько прозорливым окажется этот странноватый рок-кумир? Он словно предсказал великий момент астрофизики.

Рейчел шагала, напевая про себя строчки из песни. С ней поравнялся Корки Мэрлинсон:

– Ну как, Майк уже успел похвастаться насчет своего документального сериала?

– Нет еще, – созналась Рейчел, – но я с удовольствием послушала бы.

Корки похлопал Толланда по плечу:

– Вперед, мой мальчик! Расскажи красивой девушке, почему в этот важнейший для истории науки момент президенту понадобилась именно такая подводная телезвезда, как ты!

Толланд застонал:

– Корки, может, не стоит?

– Ну хорошо, тогда объясню я, – согласился тот, втискиваясь между Рейчел и Майком. – Как вы, возможно, знаете, мисс Секстон, сегодня вечером президент устраивает пресс-конференцию, чтобы поведать всему миру о метеорите. А поскольку значительная часть человечества состоит из недоумков, то господин президент и попросил Майка встать рядом и все популярно разъяснить.

– О, спасибо тебе, Корки, – не выдержал Толланд, – очень мило с твоей стороны. – Он посмотрел на Рейчел: – На самом деле Корки хочет сказать, что, поскольку вопрос заключается в себе массу научных подробностей, президент вполне справедливо решил, что небольшой документальный сериал о метеорите – всего несколько коротких выпусков – поможет сде-

лать информацию более доступной для населения Америки. К сожалению, далеко не все наши сограждане успели получить ученую степень по астрофизике.

– Вы, конечно, еще не в курсе, – снова принялся ехидничать Мэрлинсон, – а я вот недавно узнал, что президент нашей страны – страстный поклонник программы «Удивительные моря». – Шутливо сокрушаясь, он покачал головой. – Зак Харни, главный человек свободного мира, заставляет секретаршу записывать серии на видеомagnetofон, а потом расслабляется после напряженного трудового дня.

Толланд пожал плечами:

– Что я могу на это сказать? Только то, что господин президент обладает хорошим вкусом.

Рейчел начала понимать, насколько интересен и хитроумен план президента. Политика базируется на игре средств массовой информации, и Рейчел уже могла себе представить тот интерес и доверительность, которые обеспечит пресс-конференция появление на телеэкране всеми любимого ведущего Майкла Толланда. Для нанесения своего главного, мощного, удара Зак Харни точно и безошибочно выбрал подходящих людей. Скептики окажутся в трудном положении. Как они смогут оспорить слова президента, если их подтверждают несколько наиболее уважаемых в стране ученых и самый любимый телеведущий?

Мэрлинсон пояснил:

– Майк уже снял фильм для всех нас, гражданских, равно как и большинство специалистов НАСА. И ставлю на кон свою Национальную медаль: готов спорить, что следующая в его списке – вы.

Рейчел обернулась к нему:

– Я? О чем вы говорите? Для этого нет никаких оснований, я не могу этого делать хотя бы по роду своей работы.

– Тогда зачем же президент вас сюда прислал?

– А вот этого он мне еще не объяснил.

На губах Мэрлинсона расцвела улыбка.

– Вы ведь сотрудница аппарата разведки Белого дома? Причем именно та сотрудница, которая занимается анализом поступающих сведений. Так?

– Вы правы. Но к науке я не имею ни малейшего отношения.

– Кроме всего прочего, вы еще и дочь человека, который умудрился всю свою избирательную кампанию построить на критике действий НАСА, в частности, на чрезмерной трате этим агентством денег налогоплательщиков.

Рейчел чувствовала, что приближается бурная развязка.

– Вам придется признать, мисс Секстон, – вступил в разговор Мин, – что ваше участие в фильме придало бы ему совершенно новое звучание и новые краски, не говоря уж о большей степени доверия зрителей в этом случае. Если президент прислал вас сюда, то скорее всего ему нужно ваше участие – в той или иной форме.

Рейчел снова вспомнила слова Уильяма Пикеринга, тревожившегося о том, что ее попробуют использовать против собственной воли.

Толланд взглянул на часы.

– Нам нужно спешить, – проговорил он, направляясь в центр хабисферы, – уже скоро.

– Что скоро? – не поняла Рейчел.

– Самое главное событие. НАСА пытается поднять метеорит на поверхность. Это произойдет с минуты на минуту.

– Что, эти парни в самом деле вытаскивают камешек весом в восемь тонн из слоя льда толщиной в двести футов?

Мэрлинсон выглядел счастливым.

– Но вы же не думали, что НАСА собирается оставить подобную находку там, где она лежит уже невесть сколько, скрытая льдами?

– Нет, конечно, но... – Рейчел оглянулась. Никаких следов крупномасштабного, как можно было бы ожидать, подъемного оборудования заметно не было. – Но как же именно они собираются это осуществить?

Корки гордо задрал нос:

– Без проблем. Вы ведь находитесь в месте, буквально набитом учеными-ракетчиками!

– Ерунда! – осадил товарища Мин. – Доктор Мэрлинсон просто очень любит вешать людям лапшу на уши. А правда состоит в том, что все здесь только этим и заняты – думают, как бы половчее вытащить метеорит. А лучший вариант принадлежит доктору Мэнгор.

– Я не знакома с доктором Мэнгор.

– Это гляциолог из Университета Нью-Хэмпшира, – пояснил Толланд. – Четвертый и последний из независимых ученых, собранных здесь президентом. Мин прав, Мэнгор умнее всех.

– Хорошо, – заинтересовалась Рейчел, – и что же именно предложил этот парень?

– Не парень, – поправил Мин, явно смутившись. – Доктор Мэнгор – женщина.

– Ну, это еще надо доказать, – проворчал Мэрлинсон. Он искоса взглянул на Рейчел: – И кстати, доктор Мэнгор скорее всего примет вас отнюдь не любезно.

Толланд сердито взглянул на товарища.

– Точно-точно! – подтвердил тот. – Конкуренция ей вовсе не понравится.

Рейчел растерялась, ничего не поняв.

– Простите... О какой конкуренции вы говорите?

– Не обращайтесь на него внимания, – посоветовал Толланд. – К сожалению, Национальный научный комитет почему-то не понял, что Мэрлинсон – полный идиот. Вы с доктором Мэнгор прекрасно поладите. Она прекрасный профессионал, считается одним из самых авторитетных гляциологов мира. Несколько лет она жила в Антарктике, изучала движение льдов.

– Странно, – вставил Корки, – а я слышал, что университет добился гранта и отправил ее подальше, во льды, чтобы хоть немного пожить спокойно и мирно.

– А вам известно, – почти закричал Мин, принявший все эти разговоры близко к сердцу, – что доктор Мэнгор там едва не погибла? Она потерялась в бурю и целых пять недель питалась одним тюленьим жиром – пока кто-то ее не нашел!

Мэрлинсон и здесь не смолчал. Наклонившись к гостье, он прошептал:

– Говорят, никто особенно и не искал.

Глава 26

Гэбриэл Эш показалось, что лимузин чересчур долго ехал от студии Си-эн-эн до офиса сенатора Секстона. Сам сенатор сидел напротив своей ассистентки, рассеянно глядя в окно и явно торжествуя победу в теледебатах.

– На дневное кабельное шоу они прислали Тенч, – произнес он наконец, взглянув на спутницу с многозначительной улыбкой. – Кажется, Белый дом сходит с ума.

Гэбриэл лишь кивнула, не желая начинать обсуждение. Она заметила, что когда Марджори уходила из студии, лицо ее сияло торжеством. Наблюдательная и умная ассистентка нервничала.

У Секстона зазвонил сотовый телефон, и он полез в карман. Как и большинство политиков, сенатор имел целую иерархию телефонных номеров, по которым его можно было найти. Все зависело от степени важности звонившего. Тот, кто набрал номер сейчас, несомненно, числился в верхних строчках списка; звонок прошел по личной линии Секстона, по тому номеру, на который не осмеливалась звонить даже Гэбриэл.

– Сенатор Седжвик Секстон, – пропел он сладким голосом, наслаждаясь звуком собственного имени.

Гэбриэл не расслышала, что говорил звонивший, но сенатор явно напрягся, стараясь не проронить ни единого слова. Отвечал он с энтузиазмом:

– Просто фантастика! Я так рад, что вы позвонили! В шесть? Прекрасно. У меня здесь, в Вашингтоне, квартира. Частная. Удобная. Адрес вы знаете? Ну и хорошо. Жду встречи. До вечера.

Секстон отключился, очень довольный собой.

– Новый сторонник Секстона? – поинтересовалась Гэбриэл.

– Их число стремительно растет, – ответил сенатор. – А этот парень – тяжелая артиллерия.

– Надо полагать, встречаетесь у вас дома?

Гэбриэл знала, как дорожит сенатор уединенностью вашингтонской квартиры – ведь она оставалась его последней возможностью скрыться от чужих глаз.

Секстон пожал плечами:

– Да. Придется добавить сердечного тепла. Этот человек имеет немалое влияние. Вы же знаете, что необходимо устанавливать и личные связи. Все играет в мою пользу.

Гэбриэл кивнула, открывая ежедневник сенатора.

– Занести его в расписание?

– Да нет, не стоит. Я все равно планировал провести сегодняшний вечер дома.

Гэбриэл нашла нужную страницу и увидела, что рукой сенатора уже сделана пометка – жирные буквы «Р.Е.». Это могло означать и свободный вечер, и дружескую встречу, и даже то, что босс посылает всех к чертям собачьим. Определить точнее значение этого сокращения было невозможно. Время от времени сенатор брал ежедневник и рисовал на нужной странице эти буквы, имея явное желание спрятаться в собственной квартире, отключить все телефоны и делать то, что любил больше всего на свете, – потягивать бренди со старыми друзьями, притворяясь, что в этот вечер совсем не помнит и не думает о политике.

Гэбриэл с удивлением взглянула на сенатора:

– Вы собираетесь позволить бизнесу отнять у вас заранее запланированное личное время? Интересно!

– Парню просто повезло. Он умудрился поймать меня именно тогда, когда у меня есть немного свободного времени. Поговорю с ним о том о сем. Послушаю, что он скажет.

Помощнице очень хотелось спросить, кто же этот таинственный человек, однако Секстон явно не хотел раскрывать секрет. А Гэбриэл уже научилась понимать его настроение.

Они свернули с окружной дороги и направились непосредственно к офису. Гэбриэл снова взглянула на перечеркнутую рукой сенатора страницу ежедневника и внезапно поняла, что босс ожидал этого звонка.

Глава 27

На льду посреди хабисферы НАСА возвышалась странная конструкция на трех опорах высотой примерно восемнадцать футов. Выглядела она чем-то средним между нефтяной вышкой и неуклюжей моделью Эйфелевой башни. Рейчел внимательно рассматривала сооружение, не в силах понять, как именно с ее помощью можно достать гигантский метеорит.

Под конструкцией к металлическим пластинам, торчащим из льда, тяжелыми болтами было прикручено несколько лебедок. Металлические тросы спускались в узкие, просверленные во льду отверстия. Несколько крупных, отличающихся физической силой сотрудников НАСА по очереди вращали лебедки. С каждым усилием тросы в просверленных отверстиях поднимались на несколько дюймов.

Казалось, они собираются вытащить метеорит прямо через лед...

– Черт возьми, тяните ровнее! – раздался неподалеку громкий женский голос, звучавший с мелодичностью пилы.

Рейчел оглянулась и увидела невысокую женщину в ярко-желтом комбинезоне, перепачканном машинным маслом. Она стояла спиной к зрителям, однако не приходилось сомневаться, что именно она руководит ходом всей операции. Делая какие-то отметки на планшете, женщина бегала взад-вперед, словно заправский бурильных дел мастер.

– Только не говорите, что устали! – подгоняла она работающих.

Мэрлинсон подал голос:

– Эй, Нора! Бросай мучить парнишек из НАСА и пофлиртуй-ка лучше со мной!

Женщина даже не повернулась к нему.

– Ты, что ли, Корки? Твой голосок я сразу узнаю. Приходи, когда повзрослеешь и возмужаешь!

Мэрлинсон бросил взгляд на Рейчел:

– Нора не устает согреть нас всех своим обаянием.

– Учти, я все слышу, космический мальчик, – огрызнулась доктор Мэнгор, что-то пометчая на планшете. – А если ты сейчас занят тем, что рассматриваешь мой зад, то учти: штаны прибавляют фунтов тридцать веса, не меньше.

– Не волнуйся, – успокоил Мэрлинсон, – меня сводит с ума вовсе не эта восхитительная слоночья задница, а вся твоя неумная творческая натура!

– Ну так иди приласкай меня!

Корки рассмеялся.

– У меня новости, Нора. Похоже, ты не единственная женщина, которую президент послал сюда.

– Черт подери, конечно, нет! Он ведь еще и тебя пригласил.

Толланд решил, что пора вмешаться в этот обмен любезностями.

– Нора! У тебя найдется минутка, чтобы кое с кем познакомиться?

Услышав голос телезвезды, Нора тут же прекратила писать и обернулась. Суровое выражение исчезло с ее лица.

– Майк! – Она буквально бросилась к нему. – Давненько я тебя не видела!

– Редактировал фильм.

– И как мой кусок?

– Ты выглядишь совершенно блистательно. И к тому же поистине очаровательно.

– Он использовал спецэффекты, – не сдержался Мэрлинсон.

Нора словно и не заметила колкости. Сейчас она смотрела на Рейчел. На лице появилась любезная, но отчужденная улыбка. Потом взгляд ее вернулся к Толланду:

– Надеюсь, ты не смеешься надо мной, Майк?

Толланд почему-то покраснел.

– Нора, хочу познакомить тебя с Рейчел Секстон. Мисс Секстон работает в разведывательной службе, а здесь оказалась по просьбе президента. Ее отец – сенатор Седжвик Секстон.

– Не хочу даже притворяться, что понимаю суть дела. – Нора подала Рейчел руку, не потрудившись снять перчатку. Рукопожатие ее не отличалось сердечностью. – Добро пожаловать на вершину мира.

Рейчел улыбнулась:

– Спасибо.

Ее удивило, что Нора Мэнгор, обладательница такого громкого и резкого голоса, оказалась симпатичной, миловидной женщиной. Коротко подстриженные каштановые, с проседью, волосы аккуратно уложены, большие глаза смотрят внимательно и ясно, словно два ледяных кристалла. Рейчел импонировала стальная уверенность, которую излучала эта хрупкая особа.

– Нора, – вновь заговорил Толланд, – найдешь пару минут, чтобы разъяснить Рейчел, чем вы здесь занимаетесь?

Нора удивленно подняла брови:

– Вы уже так близко знакомы, что зовете друг друга по имени? Ах-ах!

Мэрлинсон застонал:

– Майк, я тебя предупреждал!

Нора Мэнгор организовала Рейчел экскурсию вокруг установки, а Толланд вместе с остальными шли сзади, беседуя.

– Видите эти отверстия во льду, прямо под треногой? – спросила Нора, показывая под ноги. Ее резкий, вызывающий тон смягчился. Она явно любила свое дело.

Рейчел кивнула, внимательно разглядывая все, что ей показывали. Каждая из дырок имела в диаметре примерно фут и свободно пропускала стальной трос.

– Отверстия остались еще с того времени, когда мы здесь высверливали образцы породы и спускали рентгеновский аппарат. Теперь они послужили входами для мощных винтов, которые вгрызлись в метеорит. Закрепив винты, мы в каждую из дырок спустили примерно по паре сотен футов прочного плетеного троса, прикрепили к винтам мощными крюками, а теперь просто поднимаем камешек. Потребуется всего несколько часов, чтобы вытащить его на поверхность. Он нас слушается.

– По-моему, я не все понимаю, – призналась Рейчел. – Метеорит лежит в толще льда, под тяжестью в несколько тысяч тонн. Как же вы его тащите?

Нора показала на вершину конструкции, откуда вертикально, сверху вниз, светил тонкий красный луч. Рейчел и раньше его видела, но решила, что это просто какая-то оптическая наводка, может быть, указывающая точное место, где находится метеорит.

– Галлиевый полупроводниковый лазер, – не совсем внятно объяснила Нора.

Рейчел внимательно присмотрелась к лучу и наконец заметила, что он успел проделать во льду крохотное отверстие и теперь уходит вглубь, в самую толщу льда.

– Это очень горячий лучик, – ласково произнесла Нора, – им мы постепенно нагреваем метеорит по мере того, как он поднимается выше.

Рейчел наконец-то осознала суть плана собеседницы. Нора просто направила лазерный луч вниз, растапливая лед и нагревая сам метеорит. Камень был слишком плотным, чтобы лазер мог повредить ему, но он вбирал в себя его тепло, постепенно становясь достаточно горячим для того, чтобы растопить лед вокруг. Он сам прокладывал себе путь на поверхность. А растаявший лед над метеоритом водой стекал вниз, заполняя шахту.

Так разогретым ножом режут замерзший кусок масла.

Нора показала на людей у лебедки:

– Генераторы не выдерживают такого напряжения, вот я и использую человеческую силу.

– Неправда! – весело отозвался один из работающих. – Она поставила нас сюда просто потому, что любит смотреть, как мы потеем.

– Ты себе льстишь! – дружески огрызнулась Нора. – Вы, ребята, два дня жаловались на холод. Ну а я вас согрела. За работу, милешки!

Рабочие рассмеялись.

– А зачем эти пилоны?

Рейчел показала на несколько оранжевых вертикальных конусов, установленных вокруг башни на первый взгляд совершенно произвольно. Такие же конусы Рейчел видела и вокруг самого купола.

– Важнейший инструмент гляциолога, – пояснила Нора. – Мы зовем их «ВЗИСН». Сокращенное от «Встань здесь и сломай ногу».

Она подняла один из пилонов. Под ним оказалось круглое отверстие, словно бездонный колодец уходящее в глубину льда.

– Плохое место для прогулок. – Нора поставила конус на место. – Мы сверлили эти дырки по всему леднику, чтобы изучить состав льда и его толщину. Как и в археологии, время, в течение которого объект пролежал скрытым от глаз, определяется глубиной, на которой он обнаружен. Чем глубже зарыт камень, тем дольше он там лежит. Точно так же, когда что-то вдруг обнаруживается под толщей льда, можно установить, когда это «что-то» туда попало, потому, сколько льдаросло сверху. А чтобы удостовериться в точности измерений, мы измеряем и толщину соседних участков. Этим мы также подтверждаем, что лед однороден, то есть не подвергался воздействию землетрясений, сжатий, обвалов и тому подобного.

– И как же выглядит этот ледник?

– Совершенно безупречно, – с явным удовольствием ответила Нора. – Единый, цельный монолит. Ни разломов, ни ледовых завихрений. А метеорит представляет собой то, что мы называем «статическим объектом». И лежит он здесь, милый, нетронутым с того самого момента, как приземлился. А именно с 1716 года.

Рейчел не смогла сдержать восхищения:

– Вы смогли установить точный год падения?

Казалось, собеседница удивилась.

– Черт возьми, разумеется! Для того меня сюда и позвали. Я же умею читать лед. – Она показала на аккуратно сложенный штабель ледовых «бревен». Каждый из этих прозрачных столбов был помечен оранжевой биркой. – Эти вот ледовые палки представляют собой ценнейшие геологические образцы. – Она подвела Рейчел к «бревнам». – Посмотрите внимательно и увидите отдельные слои льда.

Наклонившись, гостя действительно смогла рассмотреть, что столбы состоят из фрагментов, отличающихся и по прозрачности, и по оттенку. Даже по толщине слои были очень разными, от нескольких миллиметров до четверти дюйма.

– Зимой на шельфовый лед падает снег, – пояснила Нора, – а весной бывает частичное таяние. Поэтому каждый сезон добавляет новый компрессионный слой. Мы начинаем сверху, с последней зимы, и считаем в обратном направлении.

– Словно кольца на деревьях? – изумилась Рейчел.

– Не так просто, мисс Секстон. Не забывайте, что приходится измерять сотни футов наслоений. Необходимо сверяться с климатическими маркерами, чтобы не наделать ошибок. А такими маркерами служат отчеты о количестве осадков, сведения о загрязнении воздуха и тому подобная информация.

Толланд с коллегами догнал увлеченных беседой дам.

Майкл улыбнулся Рейчел:

– Она знает много интересного про лед, правда?

Рейчел странно обрадовалась, увидев этого человека.

– Да, просто удивительно.

– Что касается даты, – кивнул Толланд, – то доктор Мэнгор совершенно права. 1716 год. НАСА вычислило тот же самый год удара метеорита о землю еще до нашего прибытия сюда. А доктор Мэнгор сверлила свои отверстия, изучала образцы и пришла к тому же выводу, подтвердив результаты космического агентства.

Все это впечатляло.

– И кстати, – заметила мисс Мэнгор, – именно в этом году наблюдатели видели светящийся шар. Он летел по небу севернее Канады. Этот случай вошел в историю под названием «Юнгерсольское падение», по имени человека, который зафиксировал его.

– То есть, – вступил в разговор Мэрлинсон, – соответствие исторического свидетельства и опытным путем установленной даты говорит о том, что наш камень – кусок того самого метеорита, падение которого зарегистрировано в 1716 году.

– Доктор Мэнгор! – позвал один из рабочих. – Показались крюки.

– Экскурсия закончена, ребята, – торжественно объявила Нора. – Наступает момент истины. – Она схватила складной стул, взобралась на него и закричала: – Все сюда! Через пять минут вытаскиваем!

Все, кто находился в куполе, словно подопытные собаки Павлова, реагирующие на звонок к обеду, бросили свои дела, инструменты, чертежи, книги и направились в центральную зону.

Нора Мэнгор, прижав руки к лицу, созерцала свое детище.

– Вперед! Поднимаем «Титаник»!

Глава 28

– Разойдись! – потребовала Нора, пробираясь сквозь стремительно растущую толпу.

Люди расступились. Нора взялась за дело, несколько театрально проверяя натяжение тросов и крепления.

– Вверх! – скомандовал один из высших чинов НАСА.

Рабочие натянули лебедки, и тросы поднялись из просверленных колодцев еще на шесть дюймов.

Чем выше поднимались тросы, подтягивая за собой груз, тем более нетерпеливой выглядела толпа. Мэрлинсон и Толланд пробрались в первый ряд, едва не прыгая от возбуждения, словно дети в ожидании Санта-Клауса. Появилась огромная фигура администратора НАСА Лоуренса Экстрема.

– Крюки! – воскликнул он. – Уже видны крепления!

Стальные плетеные кабели в просверленных гнездах уступили место желтым цепям креплений.

– Еще шесть футов! Держи крепче!

Наступило напряженное, словно натянутая струна, молчание. Собравшиеся как будто ожидали появления какого-то удивительного призрака. И конечно, каждый хотел узреть чудо первым.

И вот наконец Рейчел увидела это торжественное событие.

Плава над собой лед, к поверхности приближалась пока еще неясная, бесформенная глыба метеорита. Она казалась темным пятном, поначалу расплывчатым, но по мере приближения к поверхности все более проясняющимся.

– Давайте! – закричала Нора.

Рабочие налегли на лебедки, и все подъемное сооружение жалобно закрипело.

– Еще пять футов! Ровнее держи!

Теперь Рейчел видела, как вздымается неуклонно подпираемый снизу лед. Он словно готовился родить метеорит, с трудом, неохотно выпуская его из своих недр. На самой вершине образовавшегося бугра, вокруг точки погружения лазерного луча, лед начал быстро таять, образовав на поверхности сначала темный круг, а потом все более расширяющееся углубление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.